

РИИНА

ЮЛМАН

МИССИЯ

ВОЛОНТЕРОВ

Риина Юлман

Миссия волонтеров

«Литнет»

2026

Юлман Р.

Миссия волонтеров / Р. Юлман — «Литнет», 2026

Комментарии моих драгоценных читателей: «О, Божечки! Риина, это для меня самая тяжёлая глава! Из всех четырёх томов! Моё разгульное воображение в очередной раз доводит меня до слёз!(((Я читаю, и слёзы сами текут, а перед глазами стоит весь этот ужас! Я преклоняюсь перед Вами! Читать Ваши произведения — это дорогого стоит! Много хороших авторов, которые пишут интересно и читаются на одном дыхании, но очень мало таких, которых хочется перечитывать, а которые «западают в душу» — единицы! Вы «запали» и поселились, и выросли в самое сердце!) Дай Вам Господь здоровья, сил, вдохновения! Мира и добра Вам и всем Вашим близким! Спасибо Вам большое и низкий поклон!»

Вмешательство волонтеров в ход истории становится всё более масштабным. Экспедиция возглавляемая простым врачом Мишей, идёт навстречу чёрной смерти. Так он понимает свою миссию в жизни и в этом времени. Продолжается процесс объединения раздробленных земель и создания сильного единого государства с более гуманными законами. Волонтеры понимают, что история поменяла направление, вопрос в том, куда оно приведёт? Сходить, посмотреть что ли?

Книга первая Волонтеры в Средневековье. Бесплатная. Книга вторая Орден волонтеров Книга третья Приключения волонтеров. Книга четвертая Миссия волонтеров Все четыре книги вместе, под одной обложкой Сага о волонтерах С ноября будет публиковаться по подписке пятая, завершающая книга цикла «Мир волонтеров»;

© Юлман Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	13
Глава 3.	19
Глава 4.	25
Глава 5.	33
Глава 6.	42
Глава 7.	48
Глава 8.	52
Глава 9.	60
Глава 10.	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1.

Амелинда.

Леуварден — город, который издали сразу бросается в глаза. Он словно вырастает на вершинах, созданных руками многих поколений фрисландцев, на искусственных холмах. С одной стороны его обнимает море, где раньше, до карантина, шумели торговые корабли в гавани, покачиваются рыбацкие лодки у пирсов.

Вторую сторону образует плавно извивающаяся река, вдоль которой теснятся яркие, словно пряничные, домики зажиточных горожан, богатая набережная. Река Миддлзе уже давно вскрылась ото льда, по ней вниз к морю спускаются лодочки от домашних причалов, сделанных напротив каждого дома в виде мостков. В обратную сторону спешат рыбаки с уловом. Море кормит рыбой и морепродуктами, но берёт за это самую высокую цену — затопляет каждый год сушу.

Далее видим мост через реку: деревянный, старый, есть прогнившие доски. Опоры моста тоже выглядят ненадежно, местами обросли мхом и водорослями, отсутствие очистки, ухода. Запишем в список первоочередных задач — ремонт или замена моста.

На другой стороне Миддлзе, за мостом, начинается бедняцкий жилой район. Дома там построены хаотично, без видимого плана. Улицы узкие, извилистые, немощёные, после дождя сто процентов превращаются в грязное месиво. Мусорные кучи видны повсюду, даже издали, представляю, какой там вонизм. Это явное нарушение санитарных норм и Чумного кодекса. Необходимо разработать план по благоустройству этого района, начать с организации вывоза мусора и мощения улиц.

Общественные здания: рынок, таверны, ратуша, выглядят запущенными. Упадок, уныние, недостаток сил, что брошены на главную задачу — выживание, борьба с голодом, тому причиной. Рынок грязный, пустующий, видно, торговать не было с зимы, когда приезжал наш обоз. Прилавки старые, многие сломаны, вероятно, на дрова. Но, несмотря на эти признаки деградации, общее впечатление от города — потенциал огромный! Пока нужно пережить без потерь угрозу чумы и голода. Когда для кораблей откроется порт, жизнь здесь за бурлит.

А с третьей, самой короткой стороны, город защищает обычная, не такая уж высокая, каменная стена с воротами. Городские ворота: массивные, дубовые, но потрепанные временем. Деревянные створки рассохлись, скобы, металлические петли и решётки заржавели. Охрана у ворот немногочисленна и выглядит расслабленной. Это настораживает, вызывает опасения по поводу безопасности.

Необходимо усилить охрану, провести ремонт ворот и, возможно, рассмотреть вопрос о строительстве дополнительных укреплений. Я не вижу даже пушек на надвратных башнях, хотя они у Хессела есть. Город наиболее уязвим именно с суши. Моё дело подсказать так, чтобы муж подумал, что он сам давно хотел этим вопросом заняться.

Именно в эти ворота сейчас въезжает возок с гербами герцога и наш небольшой обоз, вызывая живейший интерес у местных жителей.

Их много, они не сидят по домам, двигаются, работают в своих мастерских. Это хороший знак, у людей есть пока силы, значит, система хлебных пайков по карточкам работает. Горожане сами придумали чёткую и эффективную систему выдачи. Она исключает подделку и обман. Но это возможно только потому, что население города около двух тысяч человек, по сути — большая деревня. Не нужны справки о составе семьи, когда соседи знают всю твою подноготную.

Все жители десяти соседних домов приходят в ближайшую пекарню одновременно. Они предъявляют свои карточки — небольшие тонкие дощечки с выжженным личным клеймом

дома. Здесь у каждого дома есть нечто вроде герба, какое-либо символическое обозначение. Пекарь выдает хлебные пайки по количеству членов семьи, и всё это происходит под бдительным контролем соседей. После выдачи пекарь делает прокол шилом на карточке, отмечая, что на этот день пайка получена.

Группа уходит вместе только тогда, когда все её члены получили свой хлеб. Это пример коллективного контроля и ответственности, который работал и работает во все времена. Человек — существо социальное, и ему даже интересен этот процесс взаимоконтроля. Именно поэтому в городе, несмотря на подступающий вечер, так многолюдно. Вернувшись из пекарни, люди сообщают другим, что их очередь настала, идите. Таким образом, возле пунктов выдачи не создаются толпы.

Алилуйя! Началась каменная мостовая, мелко потряхивает, но всё познаётся в сравнении. В данном конкретном случае сравниваем с преследовавшим нас всю дорогу грязевым монстром. Мы втроём сидим в радостном, нетерпеливом ожидании. Летти соскучилась по сестре и семье, ей я обещала отгулы за переработку, три дня. Пока объяснила, что это такое, сама устала. Кларисса смотрит в окошко совсем другим взглядом: живым, ищущим во всём вопрос, который можно задать. Возраст «почемучки» навёрстывает моя любопытка. Трещит не умолкая, основная тема: как она соскучилась по любимому папеньке и братцу, скорее всего, по их свежим ушам.

Девочки чистенькие, безупречно опрятные, как сели в «Утреннем даре» в возок, никто и носа не высовывал, чтобы не запылиться, не загрязниться. На нас всех новые платья с лёгкими яркими весенними плащами - сюрко. Я сменила свой неприглядный капор на элегантную каракулеву «вертолётку» — это название, кстати, прижилось. Теперь в четырёх баронствах головные уборы с большим бантом известны именно под этим именем. Косы внизу на затылке узлом в сеточку с жемчужинами искусно уложила Летти — ловкие ручки.

После ванны я наложила на лицо питательную маску, в ней и выпалась. Сiju, сияю, улыбаюсь во все двадцать восемь зубов. Четыре зуба мудрости, видимо, решили набраться сил для роста где-то в глубинах организма. Улыбка на лице — непроизвольная, она настойчиво вылезает наружу из-под аристократической надменности, которую я часто забываю надеть на лицо. Зато не забыла про макияж, не вечерний, конечно, но с намёком на продолжение вечера. Думаю, для дамы, что двенадцать дней путешествовала по непролазной грязище, выгляжу я просто отпад!

Дворец герцога находится близко к морю, значит, далеко от стены, и нам ещё трястись на другой конец города. Я была в Леувардене зимой, дико уставшая. Доехали до дворца и уехали из дворца. Толком столицу не видела. Теперь это моя зона ответственности. Естественно, только в том, что подвластно женщине-правительнице. Чистота, порядок, красота города, удобство для жителей — это мне. Защита, стройка, безопасность и снабжение — Хесселу и Харальду.

Центральная улица, она же набережная, вымощена светлым камнем, углубления канавы по краям дороги тоже мощёные. Иначе не имеет смысла, весной вода, бегущая с холмов, размывает дорогу. Выглядит дренажная система захламлённой смытым с холмов и улиц мусором, кое-где даже образовались заторы, в них вода бурлит, но пока находит дорогу. Пишем замечание. Далее, ступени, ведущие вниз к реке от каждого дома: материал — кто во что горазд, косо-криво. На заметку. Берега не обсажены ни деревьями, ни кустарниками. Они ничем не облицованы, значит, размываются водой, нужны укрепляющие посадки, запишем.

- Людвиг, стоп! Стоп!

Мы выходим из возка на храмовой площади. Красивое место, видовое. На возвышении стоит величавый готический городской собор, к нему с площади наверх ведут широкие ступени. Площадка храма огорожена жердями, поскольку холм довольно крутой. Нехорошо, собор каменный, заборчик как в деревне, ещё бы плетень поставили. Пишем, пишем. Очень ветрено,

перекрестившись, входим в открытые настежь двери собора. Сквозь них проникают вовнутрь лучи солнца. Символично. Раздаётся красивое песнопение. Люди толпятся в левом приделе. А что тут делают гвардейцы Хессела? На вечернюю службу всем гамузом пришли?

- Вольф, пст! Шнеллер! - Я вызываю его жестом из храма наружу.

- С благополучным прибытием, Ваша Светлость! Когда прибыли?

- Спасибо, Вольф. Не прибыла пока. Вот зашла свечу поставить за хорошую дорогу. Что вы тут всем составом делаете? Кто службу рядом с герцогом несёт?

- Мы в почётном карауле у гроба тётки Его Светлости; монахи ночное бдение совершают; утром отпевание. Народ приходит поглазеть, проститься.

- Постой. Нам голубка была, она же умерла через пару недель после нашего отъезда. Почему не схоронили?

- Вам простительно не знать, Ваша Светлость. В семью вы вошли неожиданно, по милости судьбы. - Не может удержаться, не поддеть, мужик называется. - Леди Маргарет на третий день похоронили, честь по чести. Это же другая, её младшая сестра, женщина тоже преклонных лет была. Скончалась тихо, благородно.

- Подождать она никак не могла? - Что за чушь я порю? - Я говорю, жаль, мало жила. Какие её годы?

- Ну, жизни хорошей всегда мало. Годов не знаю, на лицо покойница старая.

- Погоди, Вольф! Это ведь та самая семья, чей сынок моему мужу в копеечку влетел – по цене целое баронство Хессел отдал за выкуп из плена?

- Они самые, герцогиня. Невестка ихняя тут у гроба сидит, а сын вот-вот появится, с поминоком.

- То есть они и похоронить, и помянуть ещё за наш счёт решили?

- Склеп у них тут семейный, стало быть. Последняя воля покойной, с сёстрами рядом.

- Какие же сейчас поминки, если похороны завтра? Ничего не понимаю! - Я в крайнем раздражении. Такой облом! Вместо пылкой ночи с мужем - бдение у гроба покойной. Женщины-родственницы по очереди сменяют друг друга, эта традиция блюдётся свято, аж вплоть до третьего тысячелетия дошла.

- На третий день полагаются поминки, вот сегодня третий день как померла.

- Ну так чего не отпели и не схоронили, раз третий день!

- Только-только привезли, дорога-то дальняя, да распутица, грязь непролазная. Не в ночь же хоронить? Сейчас бдение, отпевание только утром, так уж пришлось, что тут непонятного? - В раздражении жестикулируя руками, разъясняет непонятливой женщине глава охраны.

- Что тут непонятного, Вольф??? Поясняю: мне непонятно, зачем охранять труп!!! Когда во дворце сидит живой правитель, за жизнь которого вы все головой отвечаете. Я ещё не забыла, как он с сердечным приступом один до комнаты добирался! А если покушение? Заговор? Переворот дворцовый? Да я вас своей волей без суда четвертую!!! Кто отдал этот тупой приказ о почётном карауле?

- В-в-ваш муж, самолично.

- С чьей подачи? Ну!!!

- Похоже, брат его попросил, сын покойной, для почестей... Он рядом был с герцогом, когда тот приказ отдал. Мы, как всегда, его сопровождали.

- Вот и сопровождали бы! Почему он для почестей своей матушки своих гвардейцев не оставил, а? Во дворец, быстро! Глаз не спускать с обоих братьев! Изолировать всю чужую охрану. У меня здесь десятка. Вон того мне подзови, на фризе который. Они вас нагонят. Воислав будет в твоём подчинении.

Бледный до зелёных вен на лице, Вольф быстрыми гигантскими шагами подошёл к кучке спешившихся воинов, которых донимала Кларисса. Ох ти мне! Ещё и она! Наследник-то где, где Харальд? На поминках, где ему быть то.

- Воислав, поступаешь в распоряжение Вольфа. Он за герцога, вы за наследника отвечаете. Найти его. Встать рядом, где бы он ни был. Мечи наголо! Приказ ясен?

- Так точно! Виконтесса?

- Со мной!

- Троиш оставляю с вами, не обсуждается.

Ну хоть у кого-то голова работает в этом бардаке. Воислав увёл с собой ещё шестерых воинов, к нам незамедлительно подошли Ратибор, Богдан и Сумарок. Я чуточку успокоилась. Взяла Клариссу за руку:

- Милая доченька, печальная весть. Сестра леди Маргарет тоже окончила свой земной путь. Мы сейчас подойдём, выразим соболезнования и выйдем. Ты готова? Если нет, мы не пойдём.

- Нужно идти, матушка. Пойдём.

Следом пристроилась Виолетта, уже с открытым молитвенником, когда только успела в вещах его откопать?

В левом приделе небольшая группа монахов читала нараспев молитвы, у покрытого вуалью гроба сидели три женщины разных возрастов, с разной степенью выражения скорби на лицах. Более всего была опечалена молодая, скорее всего, дочь. Женщины, завидев меня и Клариссу, встали, чинно поприветствовали. Я произнесла приличествующие случаю слова. Совершенно неожиданно, после меня, сочувственно, торжественно и многословно, с цитатой из Библии соболезнование выразила дочка. Родственницы были поражены, не каждая взрослая благородная девица связно и к случаю произнесёт столько слов наизусть из Библии.

- Отвезу дочь, переоденусь в приличествующее траурное платье и вернусь, дамы, - обозначила я свой отход. Как же, ждите. Вернусь к утру, как раз к отпеванию. Интересно, после похорон снова что ли поминки будут? Традиции, итить их колтить, весь обоз с продовольствием как бы не съели.

Я, конечно, нагнала страха на Вольфа, но пусть думает хоть кусочком дольки мозга! Второй раз при мне прокололся. В деле, в котором лучше перебдеть, чем недобдеть. Устав нужен особый для охраны важных персон. Похоже, дядюшке Вальдемару придётся потрудиться, кроме него такими специфичными знаниями никто не обладает.

- Быстрее гони, быстрее! - ору я в окошечко для связи с возницей, мелко трясёт по брусчатке, я чуть не прикусила язык. Где-то позади остался наш обоз с растерянными обозниками, впереди мчится тройка всадников пока не Апокалипсиса, но моё настроение к тому близко. Влетаем в распахнутые настежь кованые ворота резиденции. Во дворе видна суeta, Воислав навёл шороху. Отличный десятник! Подмял Вольфа и командует. Я приотворила дверцу, от такой скачки аж подташнивает.

- Летти. Сейчас Людвиг отвезёт вас к служебному входу. Ты и Кларисса идёте в комнату, не в её, в ту, где живёшь с сестрой. Виконтесса с тобой. Пока я её не заберу. Только я. Дверь на засов, не выходить. У двери дежурит Богдан. Во дворце много посторонних людей. Возможно, мужчины пьяны. Наша гвардия только что прибыла.

- Всё понятно, госпожа.

- Кларисса, у взрослых при похоронах возникают свои сложные дела...

- Наследство делить будете? - ничуть не испугавшись тревожной атмосферы, любопытничает дочь, ну да, для здешних ребятишек взрослые дела не секрет.

- И это тоже. Людвиг, вези. Потом обоз найди, где они там болтаются. Богдан, на караул!

- Своё дело знаю, госпожа. Что-то тревожно мне.

Я ухожу в сопровождении Воислава и Сумарока к парадному входу. По пути слышу, как Вольф велит какому-то мужчине в латах идти всем отрядом в собор, но тот упирается: приказу не было. Придётся отдать приказ, раз он так ему нужен.

- Звание? - ледяным тоном, от которого у меня самой замерзают зубы, интересуюсь, видимо, у начальника чужой стражи.

- Старшина личной гвардии виконта, Ваша Светлость. - Да, я надела в поместье гербовое платье, гербовый плащ, которые сразу показывают мой статус и даже личность.

- Приказываю всем вашим гвардейцам сменить гвардию герцога. Вы едете в собор нести почётный караул у гроба вашей госпожи и охранять женщин семьи. Вперёд, старшина. Выполнять!

Не уйду, подожду результат. Все, кто остаётся тут, с сугубым интересом наблюдают сцену «отъезд войска Ивана Васильевича на Изюмский шлях»! Организованно, слаженно и быстро сорок военных товарищей попарно цокают в направлении ворот. Всё!

- Закрывать ворота! - не растерялся Вольф. - Герцогиня, как Вы это смогли сделать?

- Станешь герцогом, узнаешь! - отвечаю я с милостивым наклоном головы.

- Так это мне вдовую герцогиню по всем окрестным странам искать надо! - всерьёз озадачивается Вольф. Как напряжно каждую секунду следить за языком.

- Расслабься, я пошутила! Сопроводи на поминки. Да руку то подай, ты всё ж таки знатного рода, совсем омужичился со своей солдатнёй!

Мне было очень интересно, как поминают ещё не похороненного человека, может, там обычаи какие-то особенные. На лавочке у двери сидел уставший управляющий Хьюгенн, я помнила, что в мой первый приезд он был назначен церемониймейстером и советником до кучи. Теперь вот лакеем пристроился. Хьюгенн подорвался открыть дверь и уведомить общество о моём прибытии, но хватило одного жеста руки «сиди», он и остался сидеть.

Тяжеленные двери в большую трапезную залу мне отворил Вольф. Мы негромко вошли. Шум стоял как на пирушке. Блюда на столах, в основном рыбные и пироги, были уже порядком раскурочены. Поминальная тризна была в самом разгаре. Но трезвых лиц было много.

- Вольф, - шепнула я, - слишком много трезвых мужчин. Подозрительно. Думай. Действуй. Иди.

Трезвомыслящий и ведущий в последнее время ЗОЖ муж мой Хессел был пьян в сиську. На коленях у него сидела толстая женщина. Правая рука скорбящего чутьне по локоть погружена в декольте на диво пышнотелой дамы и там зажата, как в капкане.левой рукой он держит кубок и пытается через спину девицы дотянуться им до рта. Спина необъятная, рука не резиновая, и, естественно, он утыкается лицом в оные же сиськи, где и затихает, не то уснув, не то утонув. Вино льётся даме на платье, она хохочет, как вакханка, с взвизгами. Кубок падает из ослабшей руки мужа. Он там не задохнулся?

Я тихо иду к своему месту. Оно пусто. На подушке моего трона величественно расположилась высокая герцогская корона, рядом с моей — пониже, но богаче украшенной. Только это обстоятельство позволяет мне держаться гордо и с достоинством. Песня сердца становится тише, тише...

Мой взгляд, как сканер робота, выхватывает отдельные сцены траурного разврата. Хессел единственный, кто себе позволяет такое, остальные незамысловато предаются чревоугодию, пьянству и радостно скорбят по усопшей. Их даже где-то можно по-человечески понять: ведь они пока живы! Это важное обстоятельство не может не радовать, вот и пируют люди во славу живота своего.

Я никого не знаю. Мне не знакомы эти люди: родственники, соседи, снующие слуги, меняющие караул воины. Вижу Харальда. Он с постной миной сидит придавленный рукой соседа на своём плече, слушает нашептывание на ухо и позволяет слуге лить вино в свой кубок. Мне не нравится диспозиция, но он хотя бы здесь, рядом с, видимо, совершенно трезвым от горя дядей. Постепенно становится тише, и всё больше людей оглядываются вокруг, чтобы понять причину тишины. Плохо. Очень плохо. Пьяный так быстро не сориентируется в происходящем.

Дошла. Вакханка пытается освободить насиженное место, но она тоже прочно застряла из-за крупной ладони Хессела, что канула в глубинах между арбузными полукружиями её груди. Точно, она напоминает мне мадам Грицацуеву! Гладкое кукольное личико, надутое жиром, сдувается от угрозы в моих глазах, но мне не до неё. Я ласково беру в руки длинные, шелковистые, такие мягкие белокурые кудри мужа и нежным рывком поднимаю его бедовую голову.

От боли он проснулся, узнал меня и улыбнулся! В его бесстыжих, мутно-зелёных глазах была любовь и радость. Он был счастлив видеть меня после долгой разлуки! Искренне счастлив. Одно его движение — плацкарта свободна, второе, загребушее — я занимаю её место?!

Сердце уже молчит. Капля капнула.

Гнев и ярость — это врождённый инстинкт живого существа. Но для женщины это всегда реакция защиты. Защиты своего. Гнезда, детёныша, себя, самца, если он беспомощен. Они посягнули на всё, мне по праву находки во всех временах и мирах принадлежащее. Моё время замедлилось, их — ускорилось.

Последнее, что я осознала: затяжной крик в низких регистрах: «Спа-са-а-а-ай-те-е-е-сь! Ба-а-а-ба бер-се-е-рк!!!». Они что, обычных истеричек из двадцать первого века не видели? Непуганые тут все мужики!

Прохлада и знакомый вкус на губах. Нет!!! Я не пью! Тьфу-тьфу, отплёвываюсь и оглядываюсь. Я на полу, меня прижимают за руки, за ноги четыре воина. Харальд только что вылил мне на голову кувшин хорошего, между прочим, вина. Голова моя уже не в шапочке, а в короне, нахлобученной по уши. Жмёт, больно. Значит, я пришла в чувство. Скоро усну. По стенам жмутся непрощенные, незванные родственники, капитулировать через выход мужчинам не позволило ложное чувство неловкости перед собственной храбростью. Весь стол вдребезги разгромлен, мелкие черепки, опрокинутые кубки и блюда вперемешку с мелко нарубленной едой. Облом с банкетом по случаю поминок. Скатерть с одного конца свисает до пола, под ней кто-то трясётся, прячется.

Поднимаю голову. Собираю силу и волю в кулак грубого, прямого приказа:

- Всем, кто не живёт и не служит в этом доме, приказываю разойтись по спальным местам, крепко спать до утра. После отпевания и похорон леди... леди...

- Джеральдины.

- ...леди Джеральдины, посторонние уезжают к себе.

Меня немедленно отпускают и строевым шагом удаляются чужие стражи. За ними следуют знатные родичи со стороны мужа и их прислуга, небольшая заминка в дверях, пробка, чей-то рык, пробило, все вышли. В зале остались, видимо, наши слуги, человек пять. Дремлющий на троне правитель всего этого безобразия и его сын, точнее, наш. Он единственный сообразил, как мне помочь, воды только под рукой не оказалось.

- Где вакханка? - мрачно спрашиваю Харальда, чувствую, силы меня покидают, а она не наказана. Он пожимает плечами.

Скатерть начинает трястись вместе со столом, медленно скатывается и долго громыкает по каменному полу кубок. Звук мелодично затихает. Дёргаю скатерть. Чего уж тут церемониться? Мать Божья! Это я натворила? Как эта коровища вообще там поместилась? Между лавкой и ножкой стола, ухватившись на неё руками, как тонущий за мачту корабля, сидела в хлам разодранная дама. Видимо, главной целью стали так сильно возмутившие меня арбузы, что я предоставила их на всеобщее обозрение, разодрав тонкий шёлк красно-зелёного платья, затем киртл и наконец камизу! На голове у неё был полный пицуц, вуалька заткнута за разодранный ворот.

- Выходи. Хуже будет.

Она выползла на карачках, а пузо-то пузо! Прямо до пола достаёт, жирна гусочка! О! Есть цель! Я влеплю ей пинкаря, хотя сама пока не встала. Негоже герцогине в короне на полу как мусор валяться.

- Харальд, - протянула руку, - помоги. Уже начинает кружиться голова. Я стою, держусь за его плечо и продолжаю допрос:

- Ты почему не вымелась отсюда? Помочь?

- Я-йя живу-у ту-тут.

Ещё и заика, убогая, значит. Снизим градус накала шекспировской трагедии.

- Ты кто?

Мадам Грицацуева поняла, что бить не будут, немного приободрилась, но встать с пола не могла. Двумя руками она держала разодранную одежду, а без помощи рук такую тушку с пола поднять невозможно. Глядя сверху вниз, я видела кровавые проплешины во взбитых волосах, исцарапанную шею. Вспомнила Иоганну Берг. Нет, если так себя распускать, то можно до её уровня докатиться. Баба-берсерк с гуманитарным уклоном. А не страдаю ли я раздвоением личности? Пробежалась по симптомам, похоже, нет. Ладно, займусь этим анализом на досуге.

Похоже, дама нашла точку опоры в виде лавки, с совершенно старушечьим кряхтением поднялась. Харальд сжал крепче мой локоть. Бойтся продолжения битвы? К нему присоединился управляющий Хьюгенн с блюдами вместо глаз. Легонько тряхнула плечом, ты-то на каких основаниях прицепился к нашей Светлости?

- Я не слышу ответа!

Вместо ответа дама принимается подвывать и размазывать одной рукой по пухлым щёчкам кровавую юшку. Н-да.

- Ваша Светлость, разрешите представить — официальная фаворитка его Светлости, согласно договора. Госпожа Ридигунда. Действительно имеет личные апартаменты во дворце. Стол, кров, одежду и небольшое содержание.

Просвещает меня по интересующему вопросу Хьюгенн.

- Судя по габаритам, небольшое содержание госпожа фаворитка возмещает питанием. Леди, идите уже отсюда куда-нибудь!

- Я не леди, Ваша Светлость. Купеческого сословия, вдова. — Прорезался голосок, без заикания, удивительно тонкий для такого тела. — Я расторгаю договор с Его Светлостью. Совершенно невозможно так работать. То сам прогонит в голодное время, то супруга чрезмерно превышает... — Она покосилась на меня, заткнулась, утёрлась широким рукавом и удалилась, слегка хромая и продолжая по привычке вилять кормой.

Эпическая сила! Что у них с моралью тут творится? На этой с трудом сформированной мысли ГР перестал меня поддерживать, в голове стало пусто, и я с чистой совестью заснула на руках пасынка, прямо посреди поминального побоища. Поминки, как и хорошая свадьба, удались!

Глава 2.

Его Светлость Хессел Мартина, герцог Фрисландии.

Лежу, свет режет глаза даже сквозь веки. Быстро я забыл, как это бывает, когда нажрёшься как свинья. А с чего я так накидался? Я же давно не пью, месяца полтора, лекарь сказал - для сердца вредно. Фу, во рту будто вся моя псарня отметилась. Язык такой шершавый, сухой, как тогда, когда нас по морю семь дней носило в шторм, и мы ели сырую рыбу. Вот наберусь сил, встану, напьюсь холодной чистой воды, умоюсь, сверну шею дятлу, и вспомню, что вчера было. Вчера. А сегодня что будет? Помню, что - то важное, а что?

Надо найти точку опоры, момент, который я точно помню. Потом цепляемся за него и вытаскиваем всю цепочку событий. Ну не всегда и не всю, но ведь что то я должен помнить? Я - Его Светлость. Меня зовут Хессел. Сын Харальд. Дочь Кларисса. Жена..жена... Было две,с-хоронил...Стоп, сегодня похороны! Чьи? Мои наверное, что ж так худо то мне, а?

Нет, тётку хороним. Вчера поминали. Вот! Вспомнил, брат рыдал и даже вино не лезло ему в глотку. Я как мог утешал его и он просил меня пить и за него тоже, за помин души его незабвенной матушки. Фу, Слава Богу, вспомнил! Причина уважительная, значит я себя что? Уважаю!

Воды бы мне, не могу, так высох, как морёный дуб в солёной воде. Всего то надо дёрнуть за верёвку, для того открыть набитые песком глаза...

Ой! Я не один сплю. Кто эта роскошная леди? М-м, как она пахнет! Весной пахнет, вспомнил: сезон сейчас - весна! Я с ней что... Не помню. Даже это не помню. Во дурак, что ж я так нажрался то? Такие воспоминания не сохранились! Кто эта прекрасная как эротичный сон юноши незнакомка? Святой Патрик! Это моя молодая жена! Я ведь снова женат и счастливо женат, я влюблён, моя ...э-э-э... О! Амелинда! Приехала, а когда? Не помню. Лекарь говорил, для мозга пить вредно. Для печени тоже. Пить...Пить!!!

Я должен был встретить её с подарком, с улыбкой, а не вот так, просыпаясь рядом, как будто она – случайная девица из таверны. Стыд-то какой! Моя Амелинда, моя весна, моя радость, а я... я даже не помню, как она оказалась в моей постели. Неужели я был настолько пьян, что не узнал ее? Или она приехала раньше, чем я ожидал, и застала меня врасплох? Настолько пьяным, что я её забыл?

Надо срочно что-то придумать, пока она не проснулась. Притвориться спящим? Нет, это будет выглядеть смешно. Сказать, что я просто очень устал после похорон? Тоже не очень убедительно, учитывая, что я, кажется, не просто устал, а нажрался до беспамятства, тем более похорон пока не было, или всё таки были?

Может, она сама все поймет? Увидит мое страдальческое лицо, почувствует запах перегара и пожалеет меня? Нет, Амелинда не из тех, кто жалеет. Она скорее рассердится, и будет права. Я ведь обещал ей, что больше не буду пить. Обещал, что буду беречь себя, ради нее, ради нашего будущего. А теперь что?

Ладно, Хессел, соберись. Ты Его Светлость, ты не какой-то там пьяница портовый грузчик. Ты должен найти выход из этой ситуации. Первым делом – вода. Много воды. Потом снова вода, много ледяной воды – умыться, привести себя в порядок. И только потом – разговор с Амелиндой.

Но что я ей скажу? "Прости, дорогая, я так напился, что не помню, как ты оказалась в моей постели"? Это звучит как оскорбление.

А может, она сама все объяснит? Может, она приехала, увидела меня в таком состоянии и решила позаботиться обо мне? Это тоже похоже на нее, она не только строгая, но ещё добрая, и заботливая.

Моя голова раскалывается, как будто по ней проехала телега с камнями. Язык прилип к нёбу, во рту сухо и отвратно. Мне нужно встать, но я боюсь пошевелиться, чтобы не разбудить Амелинду. Она так мирно спит, такая тихая, такая нежная. Я не хочу, чтобы она видела меня с похмелья.

Я должен вспомнить. Должен вспомнить каждую деталь вчерашнего дня. Поминки, брат, вино... А потом что? Как я оказался здесь? Как Амелинда оказалась здесь?

Я закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться. В голове мелькают обрывки воспоминаний: смех, чьи-то голоса. Я вижу себя, поднимающего тост за покойную тётку, потом еще один, и еще... Гунда плюхается своей толстой жопой на колени, тоже поит меня... А потом все как в тумане.

Я чувствую, как Амелинда шевелится рядом. Притворяюсь спящим. Мое глупое сердце замирает. Она просыпается. А- а-а! Что я ей скажу? Что я сделаю?

Я открываю глаза и вижу, как она смотрит на меня. В ее глазах нет ни гнева, ни упрека. Только усталая нежность и легкая улыбка.

"Доброе утро, медвежка", – говорит она. – "Ты так крепко спал, сладко храпел, что я не стала тебя будить, просто примостилась рядом".

Я чувствую, как краска заливает мое лицо. Я всегда краснею от солнца, вина и стыда. Она все знает. Она все видела. И она кажется не злится?

"Амелинда", – говорю я, мой голос звучит сухо и хрипло. – "Я... я так рад тебя видеть. Прости меня, я... я не помню, как ты оказалась здесь".

Она негромко смеется. "Не волнуйся, мой дорогой. Я приехала вчера вечером, когда ты действительно уже спал. Твой брат сказал, что ты очень устал после поминок и выпил немного лишнего".

Я чувствую огромное облегчение. Она понимает.

"Я так виноват. Я обещал тебе, что больше не буду пить".

Она гладит меня по щеке. "Я знаю, мой блондинчик. Но иногда бывают такие дни, когда можно немного выпить. Главное, что ты здесь, со мной".

Я обнимаю ее крепко-крепко. Дышу в сторону, но кажется задыхаюсь от вони сам. Жена меня терпит даже таким вонючим козлом. Я так счастлив, что она у меня есть.

"Мне нужно воды", – говорю я. – "И умыться. А потом я расскажу тебе все, что помню".

Она улыбается. "А я пока приготовлю тебе специальный завтрак. И не волнуйся, я не буду тебя ругать. Просто обещай мне, что больше не будешь пить так много". Я торжественно, но немного шутовски обещаю. Секунда. Понимаю, что не нарушу обещание никогда. Всё - ради любви! Всё ради моей Прекрасной Дамы сердца! Слово данное себе - железное слово.

"Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху, аминь!"

Последняя из сестёр моей матери нашла свой вечный покой в нашем родовом склепе.

Мы, мужчины рода Мартина, с глубокой скорбью несли на руках гроб с телом моей тётки по матери Её последний приют – каменный саркофаг, украшенный символом их троих: яблони, рябины и вишни, чьи ветви сплелись в единое целое. Этот знак был их общим желанием, и он же украшает все три саркофага. Мы почтили память наших матерей и леди Маргарет – женщины одинокой, но безмерно преданной нашей семье, тихой христианской молитвой. Возложена тяжёлая каменная плита. Мы вернулись к жизни, на свет Божий, оставив их в вечном покое.

Как же хорошо быть живым и любимым на этой земле! Благодарю тебя, Господи, за этот дар — краткую жизнь и душу бессмертную! Благодарю жену свою за чудодейственные снадобья — маленькие круглые белые и чёрные талбетки, отменный бульон, рассольчик капустный.

У меня совершенно не болит голова, нет никаких других признаков обильного вчерашнего возлияния. На свежую голову мы с родней идём знакомиться с завещанием покойной в присутствии государственного поверенного и епископа. Тётка была очень религиозна, епископат надеется получить жирный кусок пирога.

Гвардия брата, его свита и его прислуга оставлена за воротами резиденции, он учтиво согласился с пожеланием Линды. Действительно, на улице тепло, солнечно. Полянка на берегу зелёная. Чего полы топтать? В зале, где накануне я поминал память дражайшей родственницы до беспамятства, всё чисто, убрано. На столах стоит только вода в кувшинах, кубки. Рассаживаемся по статусу. Некоторые жадно пьют. Брат с удивлением глядит на меня. Я свеж как огурчик. Не знаю, что это такое "Огурчик", но слово слушается вправду свежо.

Какая умница у меня жена! С помощью мастерицы Идалии она пошила себе великолепное гербовое платье: на лазурном поле бархатного подола котарди сидят два золотых леопарда из парчи, они настолько объёмные, что при ходьбе кажется, будто бегут перед ней. Лазоревый шлейф, что струится по её следам, из китайского шёлка, семь золотых лилий, что украшают его, символизируют семь земель нашей Фрисландии. К синим глазам жены и золотисто - русым волосам пристали оба цвета парадного костюма. Корона герцогини, которую Амелинда сегодня впервые водрузила поверх жемчужной сетки с косами, придаёт ей ещё более величественный вид.

Я прекрасно заметил, как уважительно, даже с некоторым страхом и трепетом её приветствовали мои гвардейцы и воины брата, а также он сам и вся моя родня с той стороны. Перед ней расступались мгновенно, не смея взглянуть в глаза. А уж если что она кому говорила, обращаясь с просьбой, то кидались выполнять со всех ног. Мне приятно. Надеюсь, Линда понимает, что все почести ей воздаются как супруге уважаемого правителя.

Так уж сложилось, я женат на женщине с самой нижней ступени иерархии аристократов. Думал, что у неё будут проблемы с вхождением в высшее общество. Но нет. Мой авторитет и её способности открыли жене путь к истинной сущности власти любого правителя — умению подчинять. Мы красивая пара, красиво сидим на троне в ожидании оглашения завещания. Тётушка при жизни слыла прижимистой особой, экономила и копила, так что, надеюсь, и мне что-либо перепадёт, казна истощена госзакупками продовольствия по высоким ценам.

"...единственным наследником всего принадлежащего мне недвижимого имущества, а именно: вдовьей доли в виде сорока семи гуф земли и двух деревень - Прибрежная и Морская, а также денежной суммы в сорок две тысячи серебряных талеров, назначаю родного племянника моего, герцога Фрисландского рода Мартина, именем Хессел."

Что??? С чего бы? Вот это дела! Обделила родного сына, дочь, маленьких внуков? Вон как все всполошились!

"...Имея перед ним долг чести, чувствуя вину неизмеримую, которую покрывает тайна исповеди, чаю прощения греха моего только таким образом. Святой нашей матери церкви оставляю тысячу серебра на помин моей души."

Епископа чуть удар не хватил, лицо и шея стали под цвет сутаны. Традиционно знатные дамы оставляют церкви треть имущества. "Облом ему", — шепчет мне склонившись герцогиня.

Бездельник и шалопай мой кузен явно не собирался никогда отдавать свой долг за выкуп. Ведь это не мои личные деньги. У меня таких доходов с личных земель не было никогда. Мать его своим решением вернула в государственную казну огромную сумму. Земля её вдовьей доли была вдоль морского берега, и на ней располагаются две нищенских деревушки, живущих только продажей рыбы. Сейчас я знаю потенциал этого куса суши: тут будет государственная солеварня. Я помню: "У вашего моря золотое дно, герцог!"

"...Отдавая всё в руки герцога нашего, чаю высокого покровительства для моей семьи и потомков, да не будет над ними опалы...", — верно ведь рассчитала! Долг этот за ним возбуж-

дал во мне чувства отнюдь не братские. Каждый раз, как видел его высокомерную, так похожую на меня рожу, хотелось свернуть её набок. В мыслях я часто казнил его за государственную измену и конфисковывал имущество.

Мать есть мать. Она из могилы о своём дитя позаботится. Светлая память благородной леди Джеральдине.

Виконта Германа всего крутит, он сидит рядом, наискосок, кулаки непроизвольно сжимаются, желваки ходят под кожей лица. Да. Удар для него сильный. Теперь я понимаю, что тётка скорее всего требовала, чтобы он вернул долг. Он не хотел. И наследство матери бы получил, всё равно не отдал. Она прекрасно это понимала. Своей последней волей заставила его помимо воли. Фактически это сейчас происходит. На его жену жалко смотреть. Неужто дела у них настолько плохи? Не может обедневший виконт содержать столь многочисленную гвардию. Зачем он вообще их сюда приволок? Даже похороны матери превратил в демонстрацию статуса и силы, которых не имеет.

Поверенный уже перечисляет длинный список домашней утвари и мелких сумм для вознаграждения преданных слуг старой леди. До этого была обрадована дочь, ей достались все драгоценности матери. А сыну? Родному сыну, вовсе ничего? Так то он виконтство унаследовал, но это от отца. От матери поверенный передаёт ему в руки конверт, запечатанный печатями так, что за сургучом и пергамента не видно. Герман хочет вскрыть, но крупный шрифт снаружи гласит: прочесть в одиночестве. Ох уж эти мне семейные тайны! У нас с Линдой никогда не будет тайн друг от друга.

Она внимательно слушала и смотрела на всех, точнее, на главных действующих лиц. Поскольку на оглашение завещания богатых людей всегда набивается уйма народу. Традиция. Чтение закончено. Я делаю знак. Люди расходятся по делам, уходит глубоко разочарованный епископ. Мы остаёмся сидеть.

Браз отяжелев, поднимается брат, мне даже жалко этого болвана. Ведь мать наказала его сейчас прилюдно. Можно сказать, выпорола за всё, что заслуживает. Лишение прямого наследника наследства — это не просто нотариальный акт. Это расплата за весь его прежний образ жизни. Это последний урок матери, последняя попытка заставить сына задуматься. Я мало знал леди Джеральдину. Видимо, умная была женщина. Что ж она сына достойно не воспитала? Хотя сыновей воспитывают отцы. Он точно в отца пошёл.

- Супруг мой, — вдруг слышу от Линды, — нам надо поговорить по-семейному, в узком кругу.

- У нас нет времени и желания задерживаться. Наши люди ждут нас. Пора возвращаться.

- Подождут. Виконт, виконтесса, это важнейший для вашей судьбы разговор, — настаивает Линда.

- Пройдем в кабинет, поговорим. Мы не чужие люди, чтобы вот так, с тяжёлым сердцем разъезжаться, — приглашаю я. Подаю руку супруге брата. Совсем молодая, лет шестнадцати. Женился он после войны, детей пока нет. У его сестры двое.

На первом этаже у меня парадный кабинет для малых приёмов. Не по каждому же случаю в тронный зал переться, так и трон можно замусолить. Мы расположились по привычке, как за обеденным столом, так и за кабинетным. Германа просто трясёт от злости, а жена ничего, держится, хотя наверное сейчас сердце кровью обливается по неполученным деньгам. Благородная леди из дома де Вриз.

- Думаю, лучше всего будет сейчас сказать правду, как на исповеди, господин виконт. Не держите зла на мать, просто объясните нам, почему она так поступила? — задаёт правильный вопрос Линда. С чего она решила, что Герман ответит? Я его знаю как очень скользкого типа.

К моему удивлению, он начинает говорить. Голос его звучит глухо, словно нехотя, но постепенно набирает силу. Обида и злоба душат его. Они ищут выход. Он с трудом подбирает выражения:

- Мы более близкие родственники, чем мне бы хотелось, Хессел Мартина. В этом пакете, что завещала мне леди Джеральдина, скорее всего, подтверждение моих слов, письма, документы.

- Не тяни, Герман.

- У нас с тобой один отец, Хессел. Твой. Мы единокровные братья.

- Как такое может быть? — с негодованием восклицаю я. — Ты хочешь сказать, что мой отец обрюхатил твою матушку? Замужнюю благородную леди Джеральдину?

Обе женщины с каким-то хищным интересом слушают наш странный диалог.

- Нет. Моя родная мать — младшая леди Маргарет. Я приемный сын её старшей сестры. Она была замужем на тот момент, когда тайно родила гостившая у нее незамужняя сестра. Виконт, мой якобы отец, как всегда, где-то несколько месяцев болтался, но, вернувшись, естественно, был рад появлению наследника. Я незаконнорождённый. Мне вообще ни от кого ничего не полагается. Я не виконт.

Его жена тихо ахнула и тихо заплакала.

Он тяжело замолчал. Мы все молчали, осмысляя его признание.

- Когда Вы узнали это, Герман? — прямо таки с сочувствием спросила моя жёнушка.

- Мать... Нет, леди Джеральдина созналась мне перед смертью. Потом я получил подтверждение от исповедника, когда напрямую его спросил.

Я не понимал, что сказать, что сделать, к чему это может привести. Взглядам попросил помощи у жены. Женщины в таких делах чувствуют истину сердцем. Она поняла меня.

- Герман, это не Ваш грех. Не Ваша вина. Думаю, мы оставим всё как есть. Родная кровь — не вода. Двоюродный ли, или единокровный, путёвый, беспутный — всё равно брат. Этого не изменить. Так я говорю, муж мой?

Я подтвердил: «Да. Выносить сор из дворца мы не будем. Честь рода превыше личной неприязни. Я ведь неприятен тебе, Герман?»

- Скажите правду, родственник. Час истины настал, - сказала, внимательно глядя ему в глаза, Амелинда.

Вот его корёжило! Словно кто-то выжимал лицо и даже тело, как тряпку, могучими руками. Он закрывал, затыкал рот кулаками, сгибался, тряс головой, наконец сполз с кресла к моим ногам.

- Не могу, не могу молчать и жить с таким грехом на душе! - воскликнул Герман. - Жжёт, жжёт внутри совесть! Пусть лучше смерть! Жену пощадите! Она вовсе ни о чём не ведаёт!

Жена его с жалобным изумлением смотрела на нас всех, заплаканные, испуганные глаза, заломленные, почти детские руки... Бедная девочка только узнала, что она замужем за бастардом, а теперь он хочет признаться в чём-то более страшном!

- Продолжайте, мы пощадим её, даю слово.

- Сегодня утром в храме должно было стоять три гроба. Ещё твой и твоего сына. Так-то, «брат»!

Я онемел. Окаменел. Волосы зашевелились под короной. Так застывший и слушал покаяние этого выроodka нашего рода.

- Во время поминальной тризны должны были напасть разбойники-викинги, якобы с моря. Их роль исполнили бы мои переодетые гвардейцы, точнее, половина. Вторая половина делала бы вид, что защищалась и защищали тебя и наследника престола. В этот момент вас должны были убить. Рядом с тобой никого не было, кроме нескольких преданных безоружных слуг и фаворитки. Следующий по закону бесспорный наследник трона Фрисландии — я. Я даже должен был быть ранен. Всё.

Ему словно полегчало, Герман безвольной куклой осел на пол.

- Нет. Не всё. План идеальный. Основан он на моей доверчивости и ротозействе гвардии. Что же помешало?

- Бог не попустил. Всё пошло не так. Старшина гвардейцев с чего-то решил, что викинги нападут в самом деле. Видимо с ума сошёл, или передумал участвовать. Якобы его долг защищать женщин семьи и отдать последние почести старшей леди рода. Они всем составом ушли в храм! Я посылал приказы — приступить к перевороту. Бесполезно. Мой последний посольный не вернулся. Зато вернулись во дворец твои гвардейцы, которых ты тупо оставил в почётном карауле у гроба. Потом добавились незнакомые мне воины очень сурового вида. Все мои стражи, находящиеся в ключевых местах, просто исчезли! Потом Её Светлость пришла на поминки...И тут такое началось...Неважно. Потом все почему то тихо - мирно разошлись и крепко спали до утра. Я тоже.

- Кто тебе докладывал, что происходит? Насколько я помню, ты всё время был рядом и поил меня.

Мне тяжело давалось каждое моё слово. Противно с ним говорить. Более всего на свете я ненавижу предательство. Иудин грех.

- Твой слуга, лакей из вновь пришедших. Ты же всех повыгонял. Вот я своего человека и пристроил.

Меня сейчас стошнит, Линда простым пожатием гладкой прохладной руки успокаивает мою кровь, готовую вскипеть. Надо дослушать. Принять решение. Выполнить. Голова нестерпимо болит. Я снимаю большую парадную корону. Вдруг неожиданно для себя нахлобучиваю на склонённую предо мной голову.

- На. Примерь, если так рвался. Ты думаешь, её так легко и красиво носить? Если ты не накормишь голодных, то её снесут вместе с головой. Только сначала ты увидишь, как растерзают твоих детей и жену. Если ты дашь слабину, как я, придёт такой, как ты, и предаст родную кровь. Если не заплатишь армии и гвардии, тебя сместят и посадят удобного им. Если придёт враг, тебе надо быть на войне и победить. Она тяжёлая, эта корона, Герман, брат мой единокоровный. Она не для каждой головы. А для безголовой шеи слишком велика.

Моя рука тянется к мечу сама по себе. Герман нарушил «Салическую правду», закон под страхом смертной казни запрещает поднимать вассалу руку на своего сюзерена. Вести против него войну. предавать. Измена карается смертной казнью, конфискацией всего имущества семьи, вплоть до вдовьей доли. Как правитель, как верховный судья, я имею право на немедленную казнь. Быть палачом мне доводилось на войне. Он сам напросился, дал мне повод. Словно прочёл мои мысли. Стоит на коленях. Раскачивается. Закрывает глаза. Ждёт. Свистяще - металлический звук медленно вынимаемого из ножен лезвия меча. Его жена забилась в угол и смотрит оттуда дикими глазами. И вдруг...

- Пощади его, Хессел, муж мой. Прошу, пощади! - зачем она вмешалась? Зачем говорит таким нежным просящим тоном? Зачем протягивает в мольбе руки? Я уже не так твёрд в своём решении.

- С чего бы мне его щадить, герцогиня?

- Повинную голову меч не сечёт.

- Закон на моей стороне! Он должен быть казнён!

- Разве ты не видишь? Он и так убит. Уничтожен. Прежнего человека больше нет. А за одного битого двух небитых дают. Мы ещё извлечём из него много пользы, увидишь. Не проливай родную кровь. Не бери его же грех на свою душу. Пощади, он брат твой — единственный. Он Каин. Не ты.

Какая глубокая мудрость в простых словах. «Повинную голову... двух небитых...»

- Целуй туфли твоей госпожи, Герман. Ты помилован. Как извлечь из твоей пустой головы и гнилой души выгоду, моя жена придумает. Даже не сомневаюсь. Она у меня большая выдумщица.

Глава 3.

Амелинда.

- Вольф! - выглянул за дверь Хессел. - Сопроводи нашего дорогого родственника до кареты. Ноги его не держат, он ослабел от горя. Потом придёшь, потолковать надо.

Появился мрачный глава гвардейцев, зыркнул на меня быстрым, недоверчивым взглядом и поволок этот мешок дерьма на выход. Следом, утирая ручьём бегущие слёзы, семенила его несчастная жена. В контексте похорон и лишения наследства, действие смотрелось логично. Мало ли о чём перетёрли братья.

Ваша светлость! Извините, что в такой день, но моё дело не терпит отлагатель...с.т.в... — с явным усилием заставила себя договорить, появившись в незакрытой двери, фаворитка-гусочка. Она увидела меня. Я преспокойно сидела в кресле и подпиливала ноготь. Вчера сломался. Всё некогда было довести себя до совершенства. Дела, дела...

- Дорогая супруга, позволь представить тебе нашу официальную фаворитку, госпожу Ридигунду.

- Какая высокая честь для меня, Ваша Светлость, но мы уже знакомы, - пытается изобразить изящный книксен наша фаворитка. Приседая, она оттопыривает вверх гузку, ну гусыня гусыней! Что он в ней нашёл? То, что ему по должности иметь вот Это положено, я у Виолетты выяснила. Нашла договор через Хьюгенна, внимательно прочла. Я даже параллель провела - секретарша при шефе. Но почему именно она?

- Так какое у Вас, госпожа Ридигунда, ко мне дело? - абсолютно не переживая о моём присутствии, интересуется муж.

Он проходит и садится рядом со мной в своё кресло. Приём по личным вопросам родственников, фавориток, гвардейцев - обычное же дело. Но я вижу, он еле держится. Удар от измены брата был неожиданным и сильным. Я пощажу мужа сегодня. Если фаворитка и сомневалась: покинуть, не покинуть кормное местечко, то, увидев меня во всём блеске великолепия власти, выбрала жизнь.

- Я нижайше прошу отставки с должности, - и молчит. Глазки долу, вуалька трепещет от дыхания, залипая в ноздри.

- Причина? - с каким-то странным, извращённым любопытством спрашивает Хессел, слишком внимательно присматриваясь к её пухлому лицу, на котором видны только круглые, светло-голубые глаза. Головной убор вдовы и белая вуаль скрывают всё остальное. Она медленно-демонстративно их снимает.

Вот ведь, гадёбина! Сейчас торговаться будет. За каждый волосок и царапину. Я продолжаю яростно точить когти. Слегка пахнет палёным. Пилочки после перехода стали - просто улет! С алмазным напылением. Чутьочку укрупнилась пыль, но точит, просто класс!

- Не пострадали ли ещё какие-либо части тела? - на полном серьёзе спрашивает герцог.

Я ошарашенно смотрю, как эта... заготовка для фуагра начинает поднимать юбку котарди. Я в ответ поднимаю бровь. Она смотрит на мою реакцию, так, на всякий случай. Вчера я очнулась прижатая к полу четырьмя воинами. Помнит. Опустила юбку.

- Там... ничего значительного, Ваша Светлость, нижайше прошу компенсацию и отставку.

- Кто же нанёс Вам значительный ущерб на лице и незначительный - гм, там? Вот с того человека я вычту Вам компенсацию, многоуважаемая госпожа Ридигунда. - Да он издевается, но над кем?

- Я не могу так служить, и-и-и-и-и, - неожиданно тоненько начинает скулить фаворитка, - Ваша С-с-в-е-т-лость, д-десять лет верой и п-п-правдой, всем с-с-существом, всю м-м-молодость от-от-от-дала...- снова начинает заикаться бедняжка. Десять лет - серьёзный срок. Неужто Хессел такой постоянный мужчина?

Так, стоп, эдак она до досрочного выхода на хорошую пенсию договорится! Хессел не выносит женских слёз, они ему как нож по сердцу, он согласится на любую глупость, лишь бы не видеть, как женщина плачет. Она, естественно, знает это и пользуется любым доступным ей оружием.

- Так, прекратить истерику, госпожа пока что официальная фаворитка! Вы прекрасно знаете, что я наказала Вас за неисполнение служебных обязанностей, и ещё посмели прийти жаловаться? Лучше не злите меня! Оденьте свой колпак и прикройте рот, дамочка!

Дамочка исполняет команду в буквальном смысле, из-под вуали торчат наглые глазки и круглый кнопочкой носик, он прилично распух, а щёчки... Это сделала я. Борозды будут заживать долго и болезненно. Как бы шрамов не осталось.

Хессел тоже впечатлён.

- Ваша Светлость, как можно было? Что это? Вы — благородная дама и до такого... А какие служебные обязанности Гунда не исполнила? Ей не положено самой навязываться, а я, как женился, услугами её не пользуюсь. В чём её вина?

- Простите, я тоже не поняла, тихо-мирно составляла вам компанию, разделяла Ваше горе в отсутствии супруги. И вдруг такое отношение, я не заслужила! Я всей душой и телом всецело предана нашему суверену!

- В договоре сказано: «...с целью заботы о здоровье правителя назначается на должность» ну и так далее. Где тут уточнение? Об отдельных частях организма? Речь идёт обо всем здоровье, всего тела! И как Вы, госпожа Ригиднунда, заботились о здоровье своего нанимателя вчера?

- Ридигунда — моё имя, Ваша Светлость, с Вашего позволения, но я не понимаю: что я не так сделала?

- Вы не должны были дать герцогу напиться до беспамятства!!! Он сердечник, ему лекарь запретил! Он мог умереть, как это однажды чуть не произошло. Вы прекрасно осведомлены, но не только не остановили его, а подпаивали сами. Он пил за себя, за сироту, за Вас из Вашего кубка, а Вы всё время подливали. Своими глазами видела, да и слуги подтвердят! Это служебное преступление! Я могла своей волей правительницы предать казни прямо на месте! Вы ещё легко отделались! Я была в бешенстве!

- Вольф, войдите! Войдите, говорю, я давно заметила щель в двери.

Боком протиснулся смущенный Вольф, редкостное зрелище, так-то он наглый тип знатного рода. Его отношение ко мне резко изменилось после вчерашнего.

- Вы там были, мы пришли вместе. Свидетельствуйте!

Он взял и рассказал всё, что видел, честно, без прикрас и преуменьшений. Я то его вызвала только факт спаивания подтвердить.

- Вы супругу узнали, приветливо улыбнулись, разгневались на госпожу Ридигунду, что не досмотрела за Вами, позволила спойть. Теперь Вы перед супругой в некрасивом виде. Согнали фаворитку с колен и изволили посадить герцогиню. Она решила наказать за нерадивость фаворитку. Наказала. Я думаю, что ещё мало.

Меня особенно потрясла эпичная сцена, когда я, оказывается, неожиданно выхватила у стражника из ножен меч и принялась методично и мелко рубить в крошку поминальный стол. Всё подряд, от начала стола и до конца. Он, на минуточку, длиной метров пятнадцать.

- Как капусту шинковала, Ваша Светлость! Аккуратно и мелко-мелко. Гнев выплёскивала. Изволила выражаться. И рычала аки леопардусы — символы нашего герба. Очень красиво выглядела, с короной, в развевающемся платье, как валькирия в ярости! Жаль, Вы не видели. Спали на троне. Потом мы аккуратно меч-то отняли и вчетвером её держали. Пока ярость не угасла. Только я и трое из её десятки. Больше никто госпожи герцогини не касался, Ваша Светлость, клянусь! Вынужденно.

- Вчетвером? Одну слабую женщину? - Хессел смотрел на меня расширившимися глазами. Ригиднунда быстро занавесила снова свои повреждения. Отступила к стене. Мне было страшно и пипец как стыдно. Моя постыдная тайна безбашенной истерички раскрыта и в этом доме.

- А не было ли в роду Ваших отца и матери берсерков? - Как-то вкрадчиво-ласково начинает выпытывать супруг. Сейчас буйной сумасшедшей будут считать. Реабилитировать меня некому, один я тут на всё Средневековье психолог.

- Я об этом не слышала. Я не берсерк, даже не думайте. Просто сильно злюсь, когда у меня хотят отнять моё. Испугалась, что Вы опять умрёте, супруг мой, а я останусь безутешной вдовой.

- Да, тяжело быть вдовой, - поддакнула Ригиднунда, вот уже не ждала от неё поддержки.

- Нет, что Вы, Ваша Светлость! Нет, даже не думайте! Была бы настоящим берсерком, людей бы крушить начала без разбору, то гнев был яростный, вспышка. Силы ярость придаёт не только мужчинам, но и женщинам. Особенно когда семью защищают.

- Жаль. Был бы я мужем леди-берсерка, почёт неслыханный, прославился бы на всю Ойкумену. - серьёзно так говорит, а в глазах смешинка.

Всё он понял, чёрт белобрысый, и ему приятно, что этот приступ вызван не чем иным, как ревностью. Вдруг я понимаю, что, будучи влюблённой в Гордея, ревности особо не испытывала. Вокруг него, как кошки весной, постоянно отирались бабы. От знатнейших девиц графства до прошмандовки Илмы, а мне хоть бы хны.

Я не осознавала его как только своего мужчину. Просто хотела. Оказывается, вот оно что! Вот в чём разница! И к первым трём мужьям у меня такого чувства собственности не было. Я даже гордилась своим цивилизованным подходом к браку.

Вопрос, куда теперь определить госпожу ригидную гусыню? Мало ли что, а вдруг? Это замечательно, что права фавориток в данном конкретном государстве ограничены стандартной формой договора, окладом и полным запретом на вмешательство в любые дела герцогов. Наверное, кто-то из предков Хессела сильно пострадал, решил помочь потомкам.

- Вольф, благодарю. Порох и цемент выгрузили?

- Вчера ещё. Всё на сухом складе. Под охраной Могу идти? У нас с вашими тренировки.

- Ступай! Ближе к нам подойдите, госпожа Ригиднунда. Отставку пока отставить. Расскажите о себе, познакомимся. Я, как видите, только второй день вступаю в права хозяйки, многое не знаю. - Хессел хмыкнул, но смолчал, вытянул у меня пилочку, полуобернулся к окну. За окном только полдень. Насыщенные будут событиями деньки, вон как горячо началось.

- Ваша Светлость, я из купеческого сословия происхожу. Замуж меня в пятнадцать лет тоже за купца отдали. Потому управление домом, лавкой, грамоту, письмо и счёт знаю. Пять лет брака жили хорошо, но детей Бог не дал. Я бесплодна, ибо у супруга от первого брака дети были, но умерли. Сгинул мой муж в море вместе с кораблём. Остался мне дом как вдовья доля. А деньги с приданого он всё время в товар вкладывал, было то выгодно, но они тоже пропали. Так осталась я одна, без детей, без мужа, без приданого. Лавку до конца расторговала и стала бедствовать. Хотела в отчий дом вернуться — не приняли, замуж идти — не сватают, неплодна, бесприданница. Тут поступило предложение от господина управляющего Хьюгенна в фаворитки идти. Выбрал меня за пышное телосложение, да за это бесплодие проклятое.

- Кто выбрал, не поняла?

- Господин управляющий выбрал, лично приходил знакомиться, с дамой повитухой, что благородных леди лечит, потом на утверждение Его Светлости привёл.

- Утвердил?

- Ну да, сразу прямо в этом кабинете и... утвердил. Вот на этом столе. Тут же и договор подписали.

Классика жанра, однако. Но к прошлому ревновать глупо и бессмысленно.

- В договор нужно внести изменения, дополнения, чтобы не было впредь недопонимания фаворитками своих обязанностей. Ты согласен, супруг?

- Благоразумно. Вносите. Я пойду посмотрю, как порох сложили. Продукты с обоза распределим с Хьюгенном.

- Присаживайтесь, госпожа Ригиднуда, будем работать над договором с соизволения герцога.

- Могу я попросить сокращать моё имя, госпожа Гунда, если угодно.

- Угодно, Гунда. Компенсации не будет. Выволочку Вы заслужили. Будет мазь, очень целебная и дорогая. Работаем.

По итогу к приходу Хессела часа через три он обзавёлся новым сотрудником в должности секретарь-фаворитка. Оклад увеличился, обязанностей прибавилось. Мы составили режим дня и распорядок работы и отдыха правителя, за которым она должна была следить, наблюдать и даже в том, что касается здоровья, требовать. Гунда была осведомлена, что за чем идёт в повседневной жизни герцога. Определили ей деловые обязанности, приём посетителей, контроль за планом дня, недели, месяца. Порядок делопроизводства она, конечно, не знала, но понимала, о чём речь. Завела журнал входящих-исходящих. Папку «на подпись» и прочие секретарские приблуды. Бумагу уже не экономила. Скоро своя будет. Выдала канцтовары. Назначила пацанёнка курьером.

Проработали примерное меню с учётом нормального питания, а не убойного мясоедства. Когда продуктов будет вдоволь, чтобы не наел подагру, живот и бляшки. Договорились о предварительной дегустации блюд и напитков на предмет отравления. В основном надбавка шла за это. Какие меры предпринять, чтобы исключить отравление, я велела обдумать ей самой. В её же интересах. Выделили фаворитке-секретарше рабочее место, комнату рядом с кабинетом, где уже стояли стеллажи со свитками, книги, карты. Озадачили Хьюгоена перестановкой и дополнительной мебелью.

Исключили (в устном договоре) интим-услуги. Тут я на неё не понадеялась, одинокая женщина всё-таки, поработала с установкой. Аккуратно, чтобы не испортить женщине будущее. Из договора поняла, что обязанности фаворитки можно совмещать с замужеством, если обе стороны не возражают.

- Что, дамы? Всё ещё заняты? Сегодня колбаски поедим, Гунда! Три телеги колбасы герцогиня привезла! Я две на выдачу пайков направил. Горох и часть сала тоже. Содержание тебе деньгами или...

- Пайком, Ваша Светлость, пайком!

- Зачем Вам паёк, Гунда? Вы же во дворце питаетесь, сейчас добавятся пробы герцогские, берите деньгами, выгоднее.

- Семье ношу, большая семья-то.

- Та самая, что Вас назад в тяжёлое время не приняла? Они настолько голодают? У них всех есть свой паёк, часть продуктов купить можно будет. Торг через день. Деньги у купцов всегда есть.

Гунда молчала, печально свесив подбитый нос и поцарапанные щёки, вздохнула:

- Так-то оно так, но ведь семья, родня. Дети опять же...

- Так. Заработок — деньгами. Деньги в отделение банка Гольдштейна копишь, уже открылся, сзади дворца дом. Накопишь приданое, выдам замуж, если хочешь. Найдём вдовца приличного, не старого, с малыми детьми. Хессел, не возражаешь?

Я вместе с вопросом подкинула ему новый вариант договора. Он прямо просел под моим напором, прочёл и уставился на секретарь-фаворитку:

- Ты это всё умеешь? Сможешь? У меня Хьюгенн не справлялся.

- Ваша светлость, у господина управляющего множество других дел, а я при вас весь день неотлучно буду. Госпожа герцогиня обещала первое время помочь. Только и Вы обещайте супруге, что про здоровье и питание будете соблюдать.

- Я ещё разберусь, что за питание. Так-так: ... Котарди и киртл форменные с регалиями, указывающими на статус секретарь-фаворитки, драгоценности по статусу в пользование на весь срок службы, с возвратом. А что не так с платьем? - Шеф оглядел секретаршу. - Всё на месте!

- Дорогой супруг! Мне стыдно, что наша фаворитка одета в какие-то отрепья! Старое, потёртое платье, цвета резкие, но видно, что выщвели, киртл застиранный! Колпак этот старомодный! Ни единой побрякушки. Приедет делегация иностранных товарищей, увидят это всё, что о нас подумают? Что мы не в состоянии даже фаворитку достойно содержать. Нет-нет! Только форма, даже две: повседневная и парадная! Я настаиваю!

- Да ладно, ладно. Делайте что хотите. Мне главное — бумаги в порядке и напоминать, кто за кем, о чём будет речь и в какой день. Это хорошо вы придумали. Обедать не пора ли?

На обед сегодня подали тарталетки с красной икрой, ломтиками малосолёную рыбу, сверху тонкой лепёшки с маслом, суп гороховый с вяленным мясом и копчёностями, уху с крапивой, шкварки с тушёной репой, салат из морской капусты с яйцом и креветками, пироги ржаные с капустой и рыбой, рыбу печёную с морковью и луком. Колбаски выставили в центр верхнего стола, здесь было принято их не нарезать, а целиком слегка обжаривать. Из напитков был мой любимый "Ячменный колос" с козьим молоком, сбитень с ароматом пряностей, отвар мятный. За нижним столом такого изобилия не было. Слуг не так уж и много. Бедолагам досталась только икра, уха, да по ломтю пирога. Но народ там так шумно приняховивался, что я приказала нарезать ломтиками с нашего стола несколько колбасок. Наедятся то они всяко, а вот кусочек колбаски настроение поднимет - есть разнообразие, не голодаем, живём!

Гунда уже не ест за нижним столом. Не ест и за верхним. Успела перед обедом оборудовать место герцогской пробовальщицы пищи: у стены сбоку стоит столик из гостиной и стул. Ничего так, оперативно действует. Лакей сначала накладывает порцию ей, через пару минут пробы герцогу, ну и далее по старшинству разносят порции блюда. Я так установила, нечего хапать сколько влезет. Норма должна быть. Тем более в такое время.

Кларисса не в восторге от рыбных блюд, после Мюннских котлеток и супчика с фрикадельками. Она налегает на колбасу и салат. Мясоежка моя!

-Кларисса, ешь суп!

-Ну мам, я не хочу суп, можно мне ещё колбаски?

-Гороховый суп полезен детям, ешь его и колбасу вприкуску.

Хессел и Харальд замерли, когда девочка назвала меня мамой, переглянулись и продолжили кушать. Над всей этой атмосферой заводской столовки в обеденный перерыв, витал ядрёный дух нарезанного лука и чеснока - обязательная добавка в рационе и простолюдинов и правителей. Мне он кажется даже аппетитным и приятным. Привыкла. Хмельное только за нижним столом, по бокалу эля за помин души покойной леди. Верхний стол уже прекрасно помянул, вчера. Кстати скатерть новая, прежняя восстановлению не подлежит.

После обеда мы успели с Гундой в казначейство за её зарплатой, потом, торопясь успеть до закрытия банка, пошли через служебный ход, что выходил на обратную сторону дворца. Гусыня запыхалась, охрана наша тоже едва поспевала, недовольно бряцающая на ходу своими девайсами для нашей защиты.

Филиал банка здесь был много шикарнее нашего в Мюнне, но суть та же. Открыли срочный депозит, под неприлично маленький процент. Непуганое инфляцией Средневековье, больше двух процентов годовых не дают. Велела клерку доложить мне, если поступления от госпожи секретарь - фаворитки прекратятся. Немного мелочи на личные расходы ей остались.

Швейная мастерская закрывалась, но мы, нагло пользуясь служебным положением, ещё успели и мерки снять.

-Стройнейте, госпожа секретарь! Ваши габариты дорого обходятся казне! Девушка, не оставляйте ей под шнуровки много запаса, а то стимула не будет!

Вернувшись в её кабинет, мы провели предварительную подготовку к завтрашнему дню. Думаю недели кураторства ей хватит. Потом она выучит мне Виолетту, на личную помощницу - секретаря. Или мне лучше фаворит-секретаря назначить? С Хесселом перед сном обсудим. Я даже знаю как он меня накажет! О, святые Венера и Афродита! Скорее бы уже ночь! Предыдущая как то не сложилась.

И замолчи наконец, глупое сердце. Какие малыши? Когда так просто забываются клятвы верности и безразлично, кто сидит на коленях — я или любая другая.

Промокод 6t9pUu7v

Глава 4.

Хессел Мартина.

Хозяйка пришла и поселилась в моём сердце, доме, городе и государстве. Та, которую я выбрал на пороге смерти, привнесла во Фрисландию новую жизнь. Вдохнула её, как вдыхают в нос слабому новорожденному жеребёнку воздух ртом.

Пока она была в Мюнне, месяц показался мне скучной рутинной. Без её «приколов», неожиданных и странных вопросов, народной мудрости в коротких изречениях, без неё было - как без свежего воздуха. Вроде есть чем дышать, а невкусно.

Я наблюдал, как за несколько дней построился будто сам собой порядок во дворце. Дворец — громко сказано, но если Линдхен так хочет, пусть будет дворец. Наконец чуть свободно вздохнул Хьюгенн, моя герцогинюшка категорично потребовала вернуть слуг, за немногим исключением, на усмотрение управляющего. Я даже не нашёлся, что ответить на её точное замечание:

- Они городские, по большей части. Сидят сейчас, бесплатно гуманитарную помощь едят, пайки. Не работают. Тут на чашку похлёбки больше, кусок каши утром добавится, человек сыт, трудится. Чувствует себя нужным, место не потерял, порядок в нашем доме наводит. Ты Хью уже от должности управляющего до лакея используешь, мне мужика жалко! Пусть он ленивых, вороватых назад не зовёт, всех остальных завтра госпожа Гунда примет, документы оформит.

Фаворитка с неделю, конечно, поплухалась, было много глупых ситуаций. А сейчас ничего, отдел кадров завела с конвертом на каждого работника, начиная от управляющего и себя, до водоноса. Дверь у неё в каморку открыта, стол к двери переставила, мимо неё ко мне не пройдёшь. Я то и дело слышу:

- Занят! Занят! Вам назначено? Нет? Чего тогда? Записывайтесь, по какому делу! Чем могу помочь? Это к управляющему вопрос. Это к казначею. К герцогине идите с жалобой по женскому вопросу! Срочно? А что именно?

Так она фильтрует поток посетителей, до меня доходят из незапланированных единицы, действительно по серьёзным, неожиданно возникшим вопросам. На её столе стоит закутанный в салфетки кувшин, с горячим отваром каких то чего то укрепляющих трав, проходя мимо неё в нужник и обратно я восполняю этот, как его... "баланс жидкости"!

Возле этого заведения стоит приспособа, сколоченная из дерева, навроде тумбочки, называется умывальник. Тыкаешь в висюльку ладонями, вода льётся, удобно. Слуга не нужен. Утирка висит рядом. Привык уже, мою руки, раньше только перед едой и после мыл.

Когда царапины заживут у неё на лице? Не скоро, похоже глубокие. Поэтому я получу от фаворитки всю заботу о здоровье, какая полагается по договору. К слову, когда она заходит с документами ко мне, то дверь оставляет настежь отворённой, будто знатная леди, которая боится за свою репутацию. Намекать и кокетничать перестала. Ну с такой то непрезентабельной ... О, недавно смеялся над новой мудростью: "Поиметь, так королеву, проиграть, так миллион!"

Жена называет Гунду совсем мудрёным словом «офис-секретарь», приставка «фаворитка» исчезла, долго произносить. В общем, иметь, фу ты! нет, работать с секретарём удобно, с каждым днём всё проще разгребать дела. Линдхен тоже хочет нанять себе в помощь секретаря. Мы бурно обсудили этот вопрос. Потом я понял, что это был очередной прикол, но до этого я битый час объяснял, почему замужним правительницам не положен фаворит-секретарь, а можно только простую офис-секретаршу:

- Тебе можно фаворитку, женатому, а мне замужней нельзя? Это неравноправие Хессел! Ты считаешь меня, женщину, неравноправной себе - мужчине? Почему? Не знаю заметил ли ты, что я нуждаюсь в мужской ласке не меньше, чем ты в женской, а иногда и больше тебя!

О чём-то подобном меня предупреждал её брат, барон Андреас Мюнних, у моей супруги бзик по равноправию мужчин и женщин. Абсолютно непонятно, откуда такие мысли могли вообще возникнуть в её женской голове! Она не понимает, она правда не понимает, почему женщина не равна мужчине. Я уже не злился. Пытался донести разными способами и примерами:

- Женщина создана Господом нашим из ребра Адамова, то есть второй по очереди! Она часть его, понимаешь, часть! - В ответ я услышал новую, достойную трактовку сотворения Евы. Начитана у меня жена, не в пример многим аристократкам.

- Я понимаю, что Адам был сотворен из праха земного, а Ева из его ребра, то есть материала намного выше по качеству! Знаешь ли ты, почему Господь не сотворил жену из кости ноги?

- ??? Есть разница?

- Чтобы не унижить творение своё. А знаешь ли ты, почему не сотворил жену Адаму из кусочка кости головы его?

- Чтобы не выше мужа была? - догадываюсь я сообразно противопоставлению

- А из бока Адама сотворена, чтобы быть бок о бок с ним. Быть равной. Из под руки его, чтобы быть защищённой. И со стороны сердца, чтобы быть любимой.

- Со стороны сердца. Красивая трактовка. Какого святого изречение? Надо запомнить и блеснуть при случае.

- Пророка Мухаммеда, из святой книги мусульман, Корана. То, что она стала второй? Значит, Адам был экспериментом Бога, а Ева — истинным венцом творения.

- Итить-колотить, Амелинда! Ты хоть вслух этого никому не говори! Я не хочу быть трижды вдовцом! Я вообще запланировал умереть в глубокой старости на твоих заботливых руках! Со стороны сердца.

- Ты написал план жизни, блондинчик?

- Да, было интересно, хочешь дам почитать?

- А кто тебя этому научил, Хессел? Чего сопишь? Я тогда на свой вопрос отвечу: Бог, но через меня! Через женщину.

- Хочешь сказать, ты умнее меня?

- О, Боже! Нет, не умнее, не глупее. Мы равноценно умны, Хес. Но мы разные. Ум у нас разный тоже. Каждый умён по-своему. Объединяем два разных ума — получаем один, очень-очень умный! Понятно?

Тут я понял, что я точно тупее жены. Не по знаниям. Она многое не знает, иногда самых простых вещей. По природному складу ума Линда однозначно меня превосходит. Возможно, я это когда-нибудь признаю вслух, но шёпотом.

Один аргумент мы обсудили подробнее:

- Женщина и мужчина не могут быть равны, они же разные телом, вот вы рождаете детей, мы нет.

- Согласна Хессел, в этом мы творцы, сотворяем из ничего почти, крошечной части двух тел - человека. выращиваем в пузе, и не только рожаем, но кормим частью себя в младенчестве.

- Ты хочешь сказать, что это акт творения? Приравливаешь женщин к Творцу всего сущего?

- Я хочу сказать, что Бог сотворяет людей через нас, мужчины тоже участвуют. Но роль женщины в этом намного больше! Зато в том, что касается защиты и прокорма подросшего потомства, важнее роль мужчины. Каждый своё, но на равных, понимаешь, Хес? Право сильного работника и защитника у мужчины, право продления рода и заботы о нём - у женщины. Они равноценны для человечества. А вы угнетаете женщин!

- Да кто вас угнетает-то! - Я с возмущением разглядывал "угнетённую" жену. Всю в шелках и драгоценностях. - Вас превозносят и чуть не молятся, подвиги за ради вашей благосклонной улыбки совершают, ах, Прекрасные Дамы, ах Дамы сердца! Турниры, балы, поэтические баталии!

- Частности, Хессел, частности, причём редкие! Если ты об этом, - она показала на кольцо и серьги, - то это не равноправие, не уважение, не любовь. Это вещи. Не чувства и не права. Я не промениваю одно на другое. Твои чувства мне дороже всех сокровищ мира. Но если станет вопрос, то равноправная во всех, повторюсь во всех отношениях женщина, заработает на жизнь себе и детям. Пусть скромную, без излишеств, зато без унижения. Речь о миллионах неравноправных женщин. Об их потенциале, для государства, общества, который не используется, не ценится, не понимается и затаптывается мужчинами.

- Ты меня затаптала жена своими аргументами ума и эмоциями обиженной за всех сестер по полу женщины.

- Страшные вещи творятся, Хес, по этой причине. Женщины не защищены законом. Даже имущественное право унижает их. Не говоря о семейном. А незаконнорожденные дети? Возьми твоего брата — дрянь человек, но не в этом суть. Почему он юридически унижен в своих правах? Ведь все люди равны перед Богом, а люди наплевали на это и ввели свои законы и клюют таких детей и их матерей. Растаптывают их человеческое достоинство. Если бы всё было иначе, гуманнее, то многих преступлений со стороны женщин просто не было бы! Она пошла к себе в спальню, недолго шуршала там и вернулась в мою, у нас ней смежные спальни.

- Вот тот самый конверт, что леди Джеральдина завещала своему приёмному сыну, обгорели края у пергамента. Он по пути на улицу выбросил в камин, но всё хорошо читается. Вот архив леди Маргарет, твоей уважаемой тётки. настоящей матери Германа. Хотела уберечь тебя от этого, но вижу - нарывы без боли не вскрываются.

Амелинда здорово разгорячилась тогда, глаза её сверкали гневно. Непонятно только на кого она гневалась. Я чувствовал, что не на меня.

- Хессел, читай и думай: если бы не было позора и унижений женщине, родившей вне брака, то не было бы мести тебе и твоему отцу. Нужны законы о защите детей, о материнстве, о лишении недостойных родителей родительских прав, много чего нужно было давно сделать. А «умные» мужчины всё друг с другом не тем умом меряются.

Выбрал время. Прочёл. Тщательно сжёг. Хорошо, что сердце у меня, оказывается, здоровое. Иначе бы умер. Господи, прости ей грехи её тяжкие. Моего отца тётка Маргарет утомила. Очередь дошла до меня. Почти достигла цели. Мои дети никогда не узнают об этом. Тут я с женой согласен.

Главные, основные законы должны быть едины во всём королевстве Ольдфрисандском. После коронации, на которую обещал приехать сам император с сыном Виктором, мы как верховные законодатели будем обсуждать этот вопрос. Буду предлагать много нового в новое законодательство. Женские законы поручил жене. Влезла, пусть отдувается. Из вредности она сказала, что одна думать не будет, созовёт женсовет. Показать мне хочет: «Я настолько умна, что позволяю себе использовать чужие мозги». Ну-ну, посмотрим, чего бабё там всеобщим разумом намозгует.

Перемена деятельности здорово прочищает мозг от ненужных запоздалых переживаний, они называются - рефлексии. Вот чтобы не рефлексировать и смотреть на жизнь веселее, по научному с оптимизмом, я взял с собой на проверку морского порта и работы на дамбе семью, жену и детей. К Харальду прицепились его дружки, все верхами. Кони стали более работоспособными, свежая трава и немного овса - они как и люди рады горбушке хлеба, сморщенной морковке. Дети таскают в конюшню и на псарню потихоньку еду. Буянка моей жены никак не желает подружиться с фризами. Она злобно скалится, стоит кому то подъехать поближе. Видимо тоскует по родным местам и по своим лошадиным друзьям.

Не торопя коней, спускаемся с холмов к морю. Май бушует вокруг и внутри. В начале мая на берегу Северного моря, погода переменчива. Это переход от прохладных дней с дождём и ветром к теплу. Но тёплый только воздух с запахом соли и водорослей, а море пока холодное, большие волны несут на берег новые кипы водорослей, топляк из рек и прочий морской мусор. Штормит не сильно. Рыбаки бесстрашно выходят на яликах и баркасах в море. Появляются первые косяки рыбы, предвестники начинающейся морской жатвы. Мы пережили голодное время. От однообразного рыбного рациона ещё никто не умирал.

Линда спешила, поругала Буянку, за плохой характер, привязала её к большому бревну и пошла вдоль берега. Она ковыряется в этой склизкой массе водорослей, кучами захламляющей берег. Что ищет? Парнишки с Харальдом и собаками весело носятся по песчаному откосу, придумали съезжать с него на заднице. Вспомнил себя... Кларисса сидит у меня в седле впереди и не закрывает рта: бесконечные «почему», «зачем» и «как» радуют меня всё меньше. Устал.

Первые дни я был просто в восторге от перемен в дочке. Словно подменили боязливую тихоню на бойкую, умненькую девочку. По дворцу и городу даже пошёл слух, что нарочно виконтессу такой скромной представляли, чтобы женихов приманивать, а как просватали, да ещё так удачно, то волю девчонке дали. Пусть говорят.

- Папа, а почему чайки кричат так противно? Бакланы и то тише.

- Наверно, голодны, дочка, смотри, смотри, как из лодки улов таскают!

Рыбак хотел пристать к причалу, налетела стайка птиц, начал отмахиваться, и лодка с трудом добытым уловом накренилась.

- Ой, опрокинется, пап! Скачи, отгоним! Надо помочь!

Ну что тут поделаешь, помогли.

Рыбак со спасённым уловом тут же сел его потрошить. Косясь на меня, демонстративно потроха складывал в корзину. Указ был о том давно, для чистоты порта, придет уборщик в конце дня. У торговков, в тавернах, с берега всё соберёт и увезёт в мой свинарник и птичник на прокорм. А пока шибает в нос, да мы все тут привычные.

Приятный запах смолы, свежей древесины из ремонтной верфи примешивается к аппетитному аромату жареной целиком в муке и масле мелкой рыбы на огромных противнях, в тавернах. Жирненькая, хрустящая, уцепишь её зубами с одной стороны - раз, счавкал, с другой - раз, схрумкал! Только косточку с кишками под стол собакам! Но теперь нельзя под стол. Жена ругается.

По берегу есть места с постоянными очагами, топливо поставляет море, там почти всегда дымят котлы с ухой. Волонтеры разливают варево с крапивкой и мучкой в принесённые людьми свои плошки. Каждый рыбак считает своим долгом кинуть несколько рыбёшек общественной поварихе. Среди них узнаю некоторых рыночных торговков продуктами. Продуктов на продажу давно нет, они к котлам пристроились. Работают, люд голодающий кормят. Да не такие они уже и голодающие, совсем не так, как зимой смотрят, в глазах теперь не вопрос, а надежда на уже наступающие лучшие времена.

Вот одна из волонтерок застучала поварёшкой, к её котлу потянулся люд работный, грузчики, ремонтники, подмастерья, ученики. Самих мастеров, их жён не вижу. Дома едят. Достаток им позволяет купить еду, пусть задорого, но купить. По совести живёт мой народ, голодных не объедают. Люди достали свои хлебные пайки, бережно завернутые в тряпицы, чтобы и крошечки потом собрать, расселись по валунам, корягам. К плеску волн о борта кораблей, шуму ветра в их снастях и парусах добавился сладкий для каждого христианина мелодичный звон колокола Леуварденской кирхи Святого Йоханесса. Все перекрестились, помолились и начали скромную трапезу.

- Пап, я хочу кушать!

- Только ведь вышли, почему за завтраком хорошо не поела?

- Так вкусно пахнет, есть хочу!

Что с ней поделаешь? Прямо неудобно, но пришлось присоединиться к очереди. Котелок малый да ложка у меня всегда в подсумке, куда бы я ни ехал. Стоим, отвечаю кивком на поклоны, но вперёд, несмотря на усиленные приглашения, не прохожу. Мы - дюки. Сначала добудь для племени, тогда первый поешь. Пришёл с ложкой — стой, жди.

- Раскрасавица, мне на доньшко плесни, для дочки. Больно уж ей вкусно пахнет, аппетит проснулся.

- Ваша Светлость, да для нашей госпожи виконтессочки такая пища-то непривычна, а хлеба вовсе нет.

Тут сразу несколько рук разной степени чистоты протянулись к моей дочери. Пока она выбирала, у кого руки чище, от порыва ветра немного глаза мои заслезались. Старею, что ли?

- Отец, иди попробуй! Хлеб вкуснее, чем у нас, а суп я больше гороховый люблю, но этот тоже ничего! Сойдёт с голодухи!

Смех вспыхнул, как искра, и мгновенно разгорелся в весёлый костёр. Сначала — чьё-то короткое «ха!», потом — раскатистое «ха-ха!», а следом — всеобщий хохот, в котором смешались самые разные голоса: звонкие и низкие, залиvistые и басовитые. Кто-то фыркал, кто-то всхлипывал от смеха, кто-то пытался что-то сказать и снова срывался на хохот. И главное — в этом звуке было только чистое, беззаботное веселье, которое делало всех чуть ближе друг к другу.

- Пережили Ваша Светлость голодуху-то!

- За хлеб бесплатный Господь Вас благослови! И Её Светлость с волонтерками. Кормилицы народные.

- Век не забудем!

Давно я от скромности не краснел. Что говорить, приятно, когда народ понимает. Огляделся, от остальных костров тоже люди подошли: моряки, грузчики, ремонтники — плотники и канатчики, даже таможня подтянулась.

За ними гильдейские от своих почти пустых складов торопятся. Как же, толпу увидели. Что ж она так долго ждёт?

- Доча, давай скорее. Дел полно у отца.

- Не торопи ребёнка, супруг, пусть спокойно кушает. Подошла моя герцогиня в достойном, но не кричащего цвета плаще, не любит она модные цвета знати. За ней недовольный до фырка Вольф тащит две битком набитые сумы, мокрые насквозь и со дна течёт. Водорослей насобирала, боже мой, что подумает народ?

- Мой добрый народ, всё ли благополучно в порту? Как дела? Двигаются хоть немного? Знаю, торго нет. Тяжело.

- Ничего, Ваша Светлость, переживём, с чумой-то тяжелее. Каботаж есть. Рыбка пошла, бочки под посол готовим. Ничего.

- Раз такое дело — стоим, то чиним и чистим суда капитально. Основательно. На новый когт поступил заказ, заложили уже.

- А у меня мастер-корабел есть знакомый. Даром что юноша, но голова словно всё лучшее от всех кораблей мира вмещает. Инженер он, чертежи кораблей чертит, сам не строит, не совсем точно сказала.

- Ну вот сказанула, супруга дорогая, ты знаешь, а мы нет. Да кто таков?

- Северин, мюннский агроном, о кораблях мечтает! Судостроителем хочет стать.

- Мечтать не вредно, сама говоришь. Стать и быть не одно и то же. Что же он тогда к морю не подался?

- Я вызову его после посевной. Увидишь, он — великий мастер кораблестроения!

- Госпожа герцогиня, вызовите, — вмешивается мастер, — всегда хорошо новое узнать, увидеть, кто что умеет. Вреда точно не будет, испортить не дадим, — смеётся в бороду со стружкой.

К пирсу подплывают сразу три полных лодки с крупной рыбой. Эта — на посол. Оживляются грузчики, катят бочки, точат нож об нож женщины, что занимаются посолом, несут к столам соль и специи с купеческого склада. А моя копуша наконец доела всё до донышка котелка. Полпорции солдатской, однако! Поправилась Кларисса, видно, что питалась в гостях хорошо. Да и дома не хуже. Не так смачно, зато Лида говорит — здоровое питание. Вытянулась, косточки в рост пошли, наконец-то. Румяная, бегают, смеётся. Никогда прежде такого не было. Я уже сам верить начал, что дочь у меня убогая да хилая всю жизнь будет. Мамкает каждую минуту, а мне отрада сердцу. Пусть хоть в отрочестве узнает, что такое мать. Жена говорит — девочкам важно пример перед глазами позитивный, хороший значит, иметь, чтобы потом детям своим любовь, что от матери получила, отдать.

Неспешным шагом приближается конь Харальда. Хорошо запомнил урок, когда наказал я его за скачку на измождённом от голода Вороне. Мы едем дальше, вдоль берега смотреть строительство новой дамбы и ремонт старой. Далее доберёмся до двух деревенок, что в наследство мне так неожиданно упали. Точнее, не мне — герцогству их передаю, ущерб в казне покрыть.

- Да успокой ты эту чёртову кобылу, сколько можно! В пути поговорить не даст. Кричать мне что ли?

Линда любит свою лошадку, но в этот раз она слегка получила между ушей за капризы.

- Говори, я из-за тебя животину обидела, — обиженная кобыла идёт понуро, склонив голову. Я приближаюсь, эта дрянь всхрапывает, дико косится и начинает угрожать укусом. Я с ребёнком, между прочим.

- Слезай давай, меняемся местами. Пересели, едем. Как рукой сняло её капризы, стоило только почувствовать седока поувесистей да руку твёрдую.

Линда пересаживает дочь к себе. Сначала странно было, что дама по мужски в седле ездит, ничего привык. Быстрее, удобнее, безопаснее, ребёнка можно посадить. Я знаю, что юбка у неё с разрезами, а штаны под ней из ткани юбки, не пойми где что.

- Что думаешь в Морской и Прибрежной деревеньках затеять, Хес?

- Увидим. Хорошо бы солеварню сладить.

- Так их полно, весь берег в них.

- Неправильно назвал. Солевыварню. Грязной соли и так полно, зачем нам её столько. По твоему методу хочу там соль чистить, готовую привезём, да выварим. Река там есть, ручьи тоже. Холсты у рыбаков купим. Солнце жарит. Море топливо приносит. Люди живут. Всё вроде есть потребное. У моего моря — золотое дно, помнишь, Линда? Купцы вон застоялись, торга нет по морю. Пошлю их по королевству с солью хорошей, с шерстью, смолой, рыбой свежесолёной да лесом. Лес в порту застрял, поставки нарушены. Заказчики небось померли все.

- Лес к нам в Мюнн пусть везут. С руками оторвут, сам знаешь — стройка. Ох, как-то мои там?

- Скучаешь? Привыкай, милая. Тут теперь твой дом.

- Мой дом — вся планета Хессел!

- Че-го?

- Ну, я имела в виду весь земной шар!

- Че-го???

- Мама, что такое земной шар? А планеты?

- Планеты, доча, — научное название, это те самые блуждающие звёзды — Марс, Венера, Меркурий и другие.

- Те, что в хрустальных сферах? Там же ангелы живут. Нет-нет, не надо, мама, к ангелам, ты с нами поживи. У них там уже есть одна моя мама, им хватит, останься!

Девчонку до слёз довела своими придумками, еле успокоили. Вот за дюной и две деревушки по разные берега речки. Даже моста у них нет через реку. Зачем им? Два причала да лодки.

Запах резкий, от неопрятных куч на берегу. Йодистый, зовёт его Линда. Говорит, их химик знает, как из водорослей сделать лекарство, что огневицу при ранах не допустит. Она же знает, как ценную бумагу сделать не из кожи, либо хлопка и шёлка, а из этой вот самой зелёной массы, которой на берегу как грязи. Вольф недоумевает, чего он её от порта сюда тащит, когда здесь либо на обратной дороге можно было собрать. Но нет, дорогой гвардии старшина! Ты не понимаешь, вдруг тут другой сорт мусора, из него, может, лучше бумага получится. Теперь подсмукни поганит слизкой гадостью ещё один мой охранник.

Жители, кто был не в море высыпали на берег. С испугом кланялись. Вольф зачитал им завешание и документ о переходе в собственность казны герцогства этой небольшой территории.

- Разрешите спросить, Ваша Светлость, что нам с того? Налоги новые или мы сами теперь люди казённые? - мужчина, старый рыбак с испещрённым глубокими бороздами морщин лицом, руками как лопаты, вышел чуть вперёд.

- Рыбачить будете как прежде. Солить рыбу, икру другой солью. Белоснежной, чистой. Соль такую тут же будете делать, да торговать ею вдесятеро против обычной. Двадцатая доля произведённой ваша будет. Тем, кто на казённой солевыварне будет работать. Ты староста Морской?

- На обе деревни, нас тут взрослых рыбаков меньше шести десятков. Мало народу.

- С моря вижу живёте? Ещё какой прибыток есть, кроме дворового хозяйства?

- Нет. Ничего более нет. Земля - песок, море её отнимает, да просаливает. Там выше люди огороды держат, но то уже не наша земля.

- Показывайте, где лучше всего навесы, чаны ставить, вблизи пресной воды. Определим место.

Пока мы со старостой по берегу речки в камышах шарахались, Харальд с ватагой и собаками по улице проехал. Все бабы и дети моментально исчезли в домах. Значит, плохо общался с народом Герман. Не тётка же покойная их запугала. Я высунул голову из зарослей, найдя хорошее пологое место с достаточной площадью, огляделся. Стройматериал есть для навесов, вон брёвна лежат, камыш на крышу. Пусть городят навесы. Чаны подгоним. Чего там Линда по дворам ходит, в двери стучит?

- Ладно. Всё понял? Готовьте навесы. Отсюда и до почти первого дома. Как закончите, приеду лично принимать. Оборудование, сырьё и главное муку в уплату за труд привезу. Немного, но точно. Учти всех, кто работал, сколько работал, как. По чести, без обману.

- Да как я посмею Вас...

- Не меня, своих не обмани. Можете начинать.

Линда вышла из очередного двора вместе с дочкой. Не нравится мне, ох как не нравится её привычка по бедняцким хижинам ходить. Ладно у ворот неизменный Вольф, а в доме небось смрад, грязь, вши. В Леувардене тоже в бедняцкий квартал ходила, про мост мне докладную, про кучи мусора на улицах и грязь - доложила. А то без неё не знаю. Не годится благородной даме свои органы чувств зрелищем неприглядным оскорблять. Выказал. Так посмотрела...

- Я народом не брезгую. Тебе не советую. Делать надо дело герцогское так, чтоб жили люди богаче, чище, тогда зайти не противно будет. Я чего ходила-то? Холсты смотрела да выбирала. Любые пойдут, если три раза рассол фильтровать, грубые, редкие, частые, плотные. Сказала: пусть готовят, купим. Когда снова приедем?

- Скоро, дня три на навесы и вперед, благо лето скоро, солнышко помогает. На зиму будем закрывать солеварню. Не натопишься.

- Может, в охотку войдут и зимой захотят работать, пять процентов с такой цены хорошая плата. Увидишь, раз получат, два — за уши не оттащишь!

Осталось проверить дамбу новую. Земля там у берега хороша. В устье реки плодородная, но понижение к морю сильное. Всегда там ставили дамбы, ещё предки наши нагородили, но море становится выше, а каменная стена всё старше. Деревня Свиноедово там моя, не казённая, не баронская, личная собственность, родовая. Завидели издалека. Построились. Ждут уже. Старостит тут толковый мужик, лучший свинарь села — Сикке. Ну не дай бог цемент зря перевели. Самолично инструкцию неграмотным читал, пропорции чашками показывал, несколько камней для пробы вместе уложил. Линде очень интересно, но Кларисса уснула, она отъехала подальше, где люди не шумят, сама рассматривает. Харальд с друзьями спешились, вместе со мной слушают. Ничего у него ватажка сбилась, толковые парнишки, но не знатные. Пусть учится и делу, и с людьми говорить.

- Чем порадуешь, Сикке? Или огорчишь?

- Так не знаю. Что хотите, то и делайте. Закончили мы всё, за три дня управились. Сидим ждём, когда высохнет. Смотреть изволите?

- Изволю, ещё как изволю, за три дня, ишь! Годами предки...

Невысокая, с метр, стена полукругом ограничивала бухточку от моря, там, где она заканчивалась, с двух сторон подступали к воде невысокие скалы. пляж был с другой стороны. Земля и наносный песок чётко разделялись друг от друга этой новой стеной.

- А где та, старая, прежняя, которую чинить начали?

- Так вот, заново отстроили из тех камней да це мента энтото. Камней правда добавить немного пришлось. Старую как начали ковырять, так всё посыпалось.

- Как так быстро? Прямо как в сказке!

- Це мент этот прямо сказка! Ложится ровненько, жиденько. Камушек-то проваливается в него ровно, ни щёлочка, ни трещинки. Потом за мужиками ребяшня ладошками размазывала, вон отпечатков понаделали. Как-то так. Везите ещё, за скалами две бухты укромные, мы наловчились. Зацементуем.

Глава 5.

Амелинда

Замечательно совместили работу с семейным отдыхом, прогулкой и обязательным общением правительства с электоратом. Когда-то в совсем древние времена в этих краях была подлинная демократия. Верхушку: вождя — выбирали общими прямыми выборами в тинге.. Землѣй владели общины, управляли общиной также избранные представители из народа. Остатки такой системы управления кое где сохранились во Фрисландии. Но общих выборов вождя (дюка, герцога) уже нет. Захапали власть, передают по наследству.

Пожалуй, стоит поискать в библиотечном архиве документы на эту тему. Это практически модель современных демократических государств была. Только неиспорченная, свежая, настоящая демократия. Спустя много веков её пытались возродить, но получилось нечто... подтухшее.

Вот сейчас я недемократично, прямо-таки диктаторски привлекла к собиранию образцов водорослей охрану, они с обиженными мордами выполняют несвойственные им обязанности. Я радуюсь своей ничем, кроме моего самодурства, неограниченной власти.

Как назвать того, кто имеет власть над тем, кто имеет власть? Манипулятор манипулятора? Нет!!! Правильно: я - возлюбленная супруга, дражайшая герцогиня, милостивая сопрательница и т. д., и т. п. Много чего наслушалась. Нра-а-а-вится, есть неоспоримые преимущества у куртуазного времени, чего уж там.

Нагло пользуюсь данной мне прерогативой, но всё на пользу дела. Для государства, семьи и развития личности Хессела. Моя задача - не дотянуть его до своего уровня. Вовсе нет. Он мужчина смышлѣный. У него высокая духовность, несмотря на то, что он в присутствии двух женщин собирался снести голову брату, тут это нормально. Он образован в соответствии с достижениями современной науки. Его генетика прошла длительный и сложный естественный и социальный отбор. Вот кое-что привнесѣнное от социума меня не устраивает. Не этикет, храни его Господь и общество, он как раз помогает.

Планомерно и методично помогу мужу избавиться от большей части совершенно естественного при таком воспитании мизогинизма. От всего и насовсем — не надо. Нельзя ломать социальные основы, заложенные как постулаты с детства. Но вот то, что женщина, имея больше прав, принесѣт больше пользы обществу и для развития государства в целом, это он должен понять.

Мужчин здесь на приличную цифру меньше. Женщины традиционно ведут только домашнее хозяйство. Наѣмные работницы, прислуга — для очень богатых, но работают за стол и кров, без зарплаты. Только вдовы среднего достатка могут управлять своими делами, той частью, что получили в наследство.

Богатые вдовы — загнанные в ловушку своего богатства зверьки. Их любым путѣм вытолкают замуж родственники, кто быстрее успеет: со стороны мужа или родителей. Не получится через родню — суверен найдѣт кого «наградить» драгоценной супругой. Совсем упѣрлась?

Тогда придѣт церковь с предложением покинуть мирское и со всем своим богатством спастись от алчных родственников и правителя в монастыре. Естественно, с завещанием в пользу матери нашей — святой церкви. Все женщины всех сословий — огромный потенциал для толчка в развитии государства. Его нужно выпустить на волю, дать осуществиться.

Потому я, как та капелька, каждый день капаю супругу на плешку. Да, у него есть малюсенькая плешка среди длинных мягких локонов, но не я тому виной. Была ранее. Он наивный не подозревает, сам не видит, цирюльник не скажет, и я промолчу. Хватит с мужа того, что я громко и упорно не молчу о правах женщин.

- Вольф, всем стоп! Вот эту кучу мне упакуйте! Будешь делать такое лицо, я не скажу тебе «пожалуйста»!

Нужно попробовать все образцы водорослей. Приедем, нагрузу прачек. Высушить, растереть в порошок. В чане для белья замочить, мешать-мешать-мешать. Точно, в прачечную поедем сразу, там выгрузим. Листы надо искать ровные, ага, вспомнила, в прошлый раз на кухне в поддонах для пирогов соль выпаривала. Значит, конфискую, без пирогов посидят, поедят. Дней... несколько.

Ой, помощница как нужна толковая. Про Леанну я Хьюгенну сказала, но, видно, он — средневековый самодур, придётся надавить. Хотя сначала просто приглашу на чай свою бывшую горничную-камеристку. Может, ей по нраву домашнее заточение.

Показалась небольшая ветряная мельница, много их расположено у берегов. Северное море — ветреное море. Рядом, опираясь на довольно высокую дамбу, раскорячились веером три странного вида трубы. Деревянные! Для меня до сих пор удивительно, как тут умеют деревянные ко многим функциям приспосабливать. Вокруг копошатся люди. Их много, но каждый занят своим делом.

— Что это за хрень, Хессел?

- Mamочka, что такое «хрень»?

- Проснулась, солнышко, давай спускайся, топай играть, людям не мешай, близко не подходи. Ракушки собирай, замок тебе брат поможет построить с друзьями. Огромный такой! С башнями. Идите, идите. Харальд! Сестра будет рада поиграть с тобой и ребятами. Вперёд!

Хессел с удивлением смотрит, как поперечливый сын, нисколько не ворча, берёт сестру за руку, собирает свою команду, и они топают к ближнему заливику с горами жёлтого песка. Я показываю их мужу:

- Ресурс. Для цементного завода. Известняковые скалы совсем рядом. Ветер дует, жернова крутит. Не возить же постоянно из Мюнна, золотой цемент получится. Потом бетон научимся делать, море нам пятки лизать будет! Объясни, что там происходит?

— Это архимедов насос, чертежи мне Его Величество Виктор Первый дал, когда я приехал с роднѣй твоей знакомиться. У нас лет триста-четыреста тому назад работали они, старики говорили, приспособы были воду назад в море выплёскивать, а им их деды рассказывали. Потом войны, войны, войны... Недороды, людей всё меньше. Конструкции из просмоленного дерева на дрова, всё, что развалилось, растащили. Чертежей не осталось, вот море наступать стало снова.

Совсем бы залило, но каменные дамбы сохранились. Держали. Уровень моря повышался, стало через старые дамбы захлёстывать. Море наступает, Линда. И так год за годом: то холодно, неурожай, то летом засуха, опять неурожай. Тут со стороны моря приличные площади плодородной земли солёной водой заливают. Мало стало пашни, всё меньше пастбищ для скота. Со всех сторон прижало нас, ну мы и...

- Знаю. Пошли войной. Потом на вас пошли войной. Так бы до сих пор туда-сюда и ходили. Пока не самоуничтожились. Что ж так, Хесел? Неужели даже в голову мысль не приходила — просто войти в состав государства, объединиться?

- Нет. Не приходило. Давай помогу слезть. Посмотрим, новое оборудование как работает.

- Прикажи не обращать на нас никакого внимания, без "Ку", пусть работают как всегда, спокойно. Я хочу посмотреть.

Низина у берега моря. Вокруг — дамба, отгораживающая море от суши. Внутри котлована — мутная вода, покрывающая землю, которую хотят превратить в пашню либо пастбище или под застройку. Много крестьян у котлована. Вода стоит высоко, отражая хмурое небо. Старший, Маркус, проверяет крепления, кричит: «Начинаем».

На краю котлована, опираясь верхним концом о дамбу, установлена деревянная конструкция: длинные наклонные цилиндры с рукояткой наверху. Несколько крестьян стоят на

чём-то вроде низких строительных лесов, они берутся за рычаги рукояток и начинают вращать винты внутри. Четверо крепких мужчин сразу берутся за массивную длинную рукоятку. «Раз-два-взяли!» — и винт медленно проворачивается. Скрипят деревянные шестерни, вода булькает внутри трубы. Первые капли появляются только через двадцать оборотов.

Слышится натужный скрип дерева, плеск воды. Видно, как в нижней части трубы винт захватывает порцию воды из котлована и начинает поднимать её вверх по спирали. Ещё через несколько оборотов первая полноценная порция выплёскивается из трубы в отводной канал, ведущий к морю. Следом приступает такая же команда мужичков и начинает вращать второй насос.

Я залипаю. Труд титанический, каторжный, но не Сизифов — есть результат! Уровень воды медленно понижается. На ладонь. Первая команда останавливается на отдых. Смена. Третья начинает вращение винта третьей трубы. У них по первости дело идёт споро.

Лица мокрые от пота. Залиты, как под душем. Я прямо чувствую, как у них руки горят, плечи ноют. Ян, самый молодой юнец, морщится, смотрит на ладони, несмотря на тряпки, вскочила мозоль. «Терпи, — бросает ему старый кряжистый Гуннар, — через десять минут сменимся».

Маркус, старший, видит, как у Яна дрожат руки, бедный парень окончательно выбился из сил. Он подходит, слегка толкает его плечом:

— Отдохни, малый. Посиди вон там, в тени. Мы пока сами покрутим.

— Но я же должен... — начинает Ян.

— Должен силы беречь, — строго перебивает Маркус. — Завтра опять крутить у дальней новой дамбы. А пока хлеб отломи. И воды попей.

Гуннар, крутя рукоятку, замечает, что поток воды ослабел.

— Эй, парни! — кричит он. — Что-то вода еле идёт. Может, забилось?

Все замирают. Тишина. Потом Матиас, самый глазастый, заглядывает внутрь трубы кричит:

— Да, точно! Водоросли на винт намотались!

На секунду повисает напряжение. Потом Маркус хлопает в ладоши:

— Так, спокойно, в первый раз что ли. Гуннар, навались, держи рукоятку. Матиас бери шест. Прочистим — и дальше!

Через несколько минут Матиас с торжеством поднимает на шесте клубок водорослей:

— Вот она, злодейка!

Раздаётся дружный гогот. Кто-то смачно хлопает Матиаса по мокрой спине:

— Ну, герой! Палка то у тебя ничего! Теперь точно дело пойдёт!

Опять ржут и налегают на ворот.

И действительно, через минуту вода снова льётся мощным потоком. Люди переглядываются, улыбаются. Усталость чувствуется всё сильнее, но теперь она — часть тяжёлой победы над стихией.

Мне нужен именно этот помятый винтом пучок водорослей с каким-то красноватым оттенком. Я смотрю на Вольфа. Он делает вид, что не замечает моего взгляда. Я поднимаю бровь и шепчу одними губами: «Пожалуйста!» Закатив глаза к небу: «Видишь ли, Господи?», он идёт за злосчастным клубком и запихивает в сумку. Достает тряпку, обматывает ладони и, оттолкнув тощего мужичка, встаёт на его место. Хочет показать, что лучше уж тут корячиться, чем мне угождать. За ним встают с песка ещё восемь парней, два насоса скрипят в новом темпе. Один гвардеец бдит на коне верхом, урок я им устроила в казарме знатный!

Полдень, солнце палит нещадно. Немного охлаждает бриз. Но вот — у края котлована показалась полоска ила. «Земля! — кричит кто-то. — Показалась земля!» Вусмерть усталые, но счастливые люди хлопают друг друга по плечам. Ещё немного — и можно будет отдохнуть,

зная, что скоро, как просохнет, здесь начнут пахать. В этом году сеять нельзя, но на будущий год, когда дожди вымоют соль, крестьяне получают приличный клочок суши.

Наблюдатель кричит: «Уровень упал сразу на пять ладоней! Ускоряемся!». Вращатели прибавляют темп: «И-эх, И-эх, И-эх» — откуда-то из нутра идут помогающие труду звуки. Вода льётся непрерывным потоком в канал, уносясь к морю.

— Ну что, — подбадривая, говорит Маркус, — скоро будем заканчивать. А потом — к костру, кашу варить. Его Светлость сегодня угощает.

Люди продолжают, изнемогая, вращать рукоятку — вода уходит, обнажая илистое дно. Гвардейцы припахались как должно, пусть понимают и ценят труд фризского крестьянина. Постепенно уровень падает, и вскоре на месте лужи появляются первые клочки осушенной земли. Копают яму — углубление, куда стекают остатки воды. Туда передвинули один насос и в минуту вычерпали. Так, шаг за шагом, с помощью простого, но гениального древнего механизма, фрисландцы отвоёвывают свою родную землю, политую потом у Северного моря. Героический народ.

Пора возвращаться, дело к ужину, у меня семейство голодное. Десять тоже голодных, грязных, облепленных водорослями гвардейцев, похоже, сильно устали. Едут молча, без вечных своих плоских подначек.

— Вольф, как приедете во дворец, сразу везите наш улов к прачечной, в хозяйственное крыло. Заодно вам сумки постирают. А мы немного отстанем, пекарни проверим.

— Амелинда, вечно ты работу найдёшь, когда прежняя закончится, домой пора, ужин скоро.

Ишь, тоже, стало быть, проголодался, мужёк привык к режиму питания. Раньше мог в любой момент на кухню послать за едой или послать далеко того, кто пришёл про еду напомнить. Бессистемно питался, бессовестно игноря присутствие себя как суверена за ужином. Приходил, только когда по протоколу полагалось. Сейчас мы завтракаем с семьёй, а ужин проходит в приятной, торжественной обстановке главной трапезной — столовки четырнадцатого века.

— По пути, Хессел, по пути, заглянем и всё. Вольф, возьми виконтессу к себе.

— Мам, он грязный! Не сяду я с тобой! Отстань, убери лапы!

В городе около десятка пекарен, все не все, но кого-то проверить надо.

— Леди Амелинда, можно мне с друзьями на ужин придти? - Это хорошо. надо знать, с кем пасынок дружит.

— Можно. Только сидеть будете отдельно. Вот, бери сестру в седло, езжайте за гвардейцами.

— Гвардия, разделись! Первая пятёрка — Их Светлости. Вторая — виконт с виконтессой.

Вот первый объект. Центральная пекарня. У окна выдачи небольшая очередь, человек пять-шесть. Мы спешили, ответили на приветствие, зашли через массивную дубовую дверь внутрь. Там был мир неустанного, практически круглосуточного труда. Пекарь — одна из почётнейших профессий Средневековья.

Пекарня была старая, поколения пекарей пестовали тут тесто со дня основания города, точнее, тогда еще села. Помещение тесновато, темновато, СанПиНом, конечно, не пахнет. Зато пахнет терпким духом ржаной муки, что смешивается с медовым благоуханием опары, а над всем этим царит божественный аромат свежеспеченного хлеба.

В центре зала доминирует огромная печь — сердце пекарни. Выложенная из грубо обтёсанного камня, она дышит жаром, от которого дрожит воздух. Её сводчатый проём чернеет, словно вход в пещеру, а на кирпичной поверхности пода ещё видны следы от лопаты пекаря. Рядом сложены аккуратные поленицы сухих дров — это дары моря, они дают ровный, силь-

ный жар. Угли сильно вспыхивают жёлтым. Цвет огонькам придаёт морская соль, натрий, что пропитал топливо.

У стены тянется длинный деревянный стол, подпылённый тонким слоем муки. На нём лежат вынутые куски теста, круглые хлебы в формах, ожидающие отправки в печь. Рядом — массивная кадка с закваской, от которой исходит кисловато-сладкий аромат брожения. Наша культура дрожжей прекрасно подружилась с местными штаммами, а от муки вообще балдеет!

Несколько мешков с мукой стоят у стены, но они заметно похудели, защиты заплаты грубыми нитками. На мешках мелом выведены цифры — остаток на день. Из специй только соль, остальные приправы к выпечке давно исчезли: теперь хлеб не лакомство, а средство выжить.

Возле печи хлопочут работники: один ловко орудует длинной деревянной лопатой, отправляя хлебы в жар, другой замешивает тесто на широком столе, а мальчик лет двенадцати просеивает муку через льняное сито. Их лица покраснелись от жара, но движения точны и привычны, годами отшлифованный ритм ремесла. Быстро отдав дежурный поклон, каждый сосредоточенно занимается своим делом.

Узкие окна под потолком пропускают скудный свет, который дробится в облаках мучной пыли, танцующей в воздухе. На полу широкие каменные плиты, покрытые тонким слоем муки. В углу стоит большой деревянный жбан с водой и ковш, чтобы утолить жажду от жара.

Над всем этим царит хозяйка пекарни — низенького роста женщина, чем-то похожая на сову, её поклон похож на растопыривание перьев. Ей некогда разговаривать с нами. Она крутит головой в плотно повязанном платке с кончиками, завязанными на лбу, следит за процессом, пробует закваску, проверяет жар печи, время от времени вытирая пот со лба белым рукавом. Взгляд хозяйки строг и внимателен, она знает: хороший хлеб рождается не только из муки и воды, а ещё из терпения, опыта и любви к своему делу.

- Есть трудности с чем? Вес мешков полный? — спрашиваю я на ходу, заглядывая в мешок, хочу увидеть качество муки, что Хессел купил в Ольденбурге у Элимара.

- У нас есть большие весы, госпожа. Мы при приёмке каждый мешок взвешиваем, не ленимся. Трудности есть. Дочь вот беременна. Замена на выдачу нужна, а я чужим не доверяю, может, пришлёте кого?

Ближе к окну выдачи стоит стол. На нём готовые, остывшие от жара хлебы. Молодая, до коричневатости лица конопатая девушка, зубчатым ножом бережно, чтобы не было крошек, режет каждый каравай на восемь частей. Её живот под плёным фартуком уже лезет на нос.

Я обещаю прислать. Муж тянет руку к кусочку довеска, пробует, а в окно заглядывают горожане. Всем любопытно, как их хлеб придётся дюку.

- Герцогиня, дочь не зря говорила: этот хлеб вкуснее, чем наш. Он даже сладкий. В чём же дело?

- Заваривать надо крепче муку на опару, ослащается она от этого, — выдаёт секрет пекарка.

Есть небольшие рычажные весы для хлебной пайки, людям видно результат взвешивания. Норма хлеба — триста грамм, полторы марки на человека. Один каравай используется на довески. Ловкие пальчики бережно берут и кладут на чашу сверху куска маленький, на полукуса, кусочек.

Каждый день у двери выстраивается очередь. Люди стоят, тихо переговариваясь, сжимая в руках карточки — деревянные бирки с проколотыми знаками. Они знают: сегодня им достанется ровно столько, чтобы иметь силы, но недостаточно, чтобы насытиться только хлебом. Слава богу, уже есть другая пища. Все ждут, потому что хлеб — это жизнь, пусть даже такая: скудная, жёсткая, отмеренная по крохам, граммам.

Запах тёплого хлеба, простого, грубого, крестьянского, просачивающийся сквозь окно и щели двери, напоминает очереди о том, каким был мир, когда хлеб был не мерилем выживания, а символом достатка и тепла. Да, хлеба мало. Ноон есть. Его мало, но он вкусный.

Этот хлеб без опилок гидратцеллюлозы, без обойного клея, без коры берёзовых веток и сосны. В нём нет мясокостной муки из туш павших животных и семян дикорастущих трав. Блокадный хлеб по консистенции напоминал сырую глину. Он был плотным, непропечённым внутри из-за нехватки энергии, тяжёлым и практически лишённым вкуса и запаха. Суточная норма выдачи составляла сто двадцать пять граммов на человека в самые тяжёлые периоды. Я помню. Я — ленинградка. На той земле, где правим мы с мужем, люди не будут голодать. Любой ценой. Я так решила.

В другую пекарню сегодня не поедём. Нет смысла. Инспекция должна быть неожиданной. Наш небольшой отрядик, вновь процокав две улицы, вернулся в порт, оттуда нам ближе ко дворцу, самый короткий путь. Стоит только выехать на открытое пространство, ветер берёт, дует сильнее, резкими, как взмах ножа, порывами сечёт лицо. В трубу моего капора ничего не видно, я наклонила голову вниз и просто положила на присмиревшую Буянку, она идёт мордой набок. Тоже ветер не нравится. Ничего ей тут не нравится. Особенно лошадиный паёк. Крутые бока уже опали, не лоснятся.

В порту странное оживление, слышатся на фоне противного крика чаек возбуждённые голоса множества людей. Я поднимаю свою «подзорную трубу» на лицо. Да, настоящая труба бы сейчас не помешала. Но Андреас зажал и её, и бинокль.

Горизонт пререзает тёмный силуэт — чужой корабль! Третий за месяц. Да вы что, с ума сошли?! У нас же карантин, ну сколько можно повторять?!

На сторожевой портовой вышке гордо реет чёрный флаг, обтрёпанный нордом, немного выцветший от солнца. Он висит здесь не для красоты: дважды уже появлялись суда, оба раза, едва завидев этот зловещий знак чумы, пускались наутёк! Со всех парусов, на всех вёслах, только их и видели! Вот он, наш страж порядка: чёрный флаг, вестник нешуточных бед.

«Лучше перестраховаться, чем недостраховаться», так говорит начальник порта. Он прав. Банк Гольдштейна, с моей подачи, запустил новую услугу «Страхование». Но я не смогла подобрать слово из средневекового словаря и назвала эту услугу по-русски: «Страховаться», что означает «страх захватить, спрятать». Ну как услышали, так услышали, я не виновата. Некоторые уже «застрахались» от пожара и потопа — ну прямо спасение для вечно нервных на эти темы горожан. Актуальные — огонь да вода, две вечные напасти...

А этот корабль — будто и не видит нашего предостережения! Ни во что не ставит! Идёт прямо к берегу, парус спущен, гребцы мерно опускают вёсла в воду.

Приближается — и становится ясно: судно не из маленьких! Длина — метров двадцать, ширина — семь-восемь. Хессел, знаток своего дела, тут же прикинул: при таких габаритах грузоподъёмность — где-то тонн двести. Ладья, да, самая настоящая, создана для речных просторов и прибрежных морских путей, для каботажного плавания. Но сейчас она идёт прямо к нам — вопреки флагу, вопреки карантину, вопреки всему.

Сердце невольно сжалось в тревоге: что за люди на борту? Что им нужно? И почему они так упорно рвутся к нашему берегу?.. Судно приближается, становятся видимыми подробности.

На носу — резная голова грозного зверя, оскаленный волк, готовый броситься вперёд. Глаза у него — будто живые! Видно, вставлены камни — то ли янтарь, то ли тёмный агат, — и они сверкают, смотрят вперёд, ведут судно сквозь волны, указывая путь через все бури и штормы.

Вдоль бортов висели щиты — красные, синие, с затейливыми узорами. Они играли красками на солнце: алый пылал, как утренняя заря, синий отливала глубиной морской волны.

Паруса были свёрнуты, но я легко могла представить, как они расправятся на ветру — большие, сероватые, чуть потрёпанные в дальних походах, с изображением в центре круга. Может, там дракон, обожаю драконов, а может — знак рода или племени, прошедший через века.

Ладья плыла плавно, без спешки, но в этой неспешности чувствовалась уверенность — не ленивое дрейфование, а гордая поступь владычицы вод.

Зато на сторожевой башне спешно готовились к защите от непрошенных гостей две пушки. Орал на заряжающих лысый пушкарь, что давно соскучился без настоящего дела. Наши пять гвардейцев подъехали к самой кромке воды и обнажили мечи, из складов, таверн выбегали вооружённые люди.

- Хессел, почему так агрессивно встречаете? Вы же не знаете, что за люди, чего им нужно?

- Линда, спрячься вон в том каменном складе и не выходи.

- Хес, Хессел, ты меня слышишь? Пошли сначала лодку, пусть узнают, кто это, зачем прибыли? Нападать они не будут, они же видят приготовления.

- Похоже на беженцев от чумы, Ваша Светлость. На палубе скарб, животные, бабы и дети.

- Или с грабежа возвращаются, везут пленников и их добро, — ищет повод пострелять пушкарь. — К нам по пути решили заглянуть, может, мало добра взяли.

Если бы не этикет, так бы и плюнула на лысину! Кровожадный тип.

- Даже если беженцы — не пускать, под прицелом держать! — отдаёт команду муж - главнокомандующий, но лодку навстречу всё же отправляет, с наказом орать издалека, три матроса и один матюгальник выплывают в бухту, с ладьи тоже спускают лодчонку с одним переговорщиком.

- От чумы бегут, чуму везут, не надо нам их, своя шкура дороже! — слышится от толпы портового люда.

- Сейчас узнаем, кто таковы. Дюк решит.

- Если из пушек расстреляют, то людей топить или не топить, Ваша Светлость? — интересуется своей частью работы гвардеец. — А не то доплывёт малец, у меня рука-то и дрогнет.

- Хессел! Я требую...

- Ты ещё здесь! В склад её, быстро!

Чтобы не потерять чувство собственного достоинства, я сама направляю Буянку к складу за моей спиной. Он длинный, приземистый, каменный. Чего Хессел боится? Что пушечное ядро в меня попадёт, с поворотом на сто восемьдесят градусов? Я просто заехала за угол и скрылась из виду. Но море и ладью, а рядом две лодки мне видно отлично.

Перетёрли. Наши гребут назад. Доклад герцогу. Он долго думает. Потом как гаркнет:

- Линда, езжай сюда! Я тебя вижу!!!

Ну и голосина! Точно, он же на поле боя командовал! Чуть седло не обмочила. Врёт, не видит. Под этим углом невозможно. На понт берёт, уже хорошо меня знает. Я что, товар, на складе быть, когда такие события разворачиваются?

Величественно выезжаю на Буянке из-за укрытия. Ветер свистит прямо в мой длинный капор, я его стаскиваю, надоел. Под верхним головным убором у нас, у средневековых дам-с, всегда есть нижний. У меня это сейчас нечто вроде монашеской балаклавы, правда, с открытым лицом и синего шёлка с тонкой работы вышивкой. Пристойно.

- Жена моя, тут сказывают, проездом через Леуварден прямиком в ваш Мюнн люди едут. Проходу по Милддзе просят.

- Кто бы мог быть? Имена хоть назвали?

- Судно зафрахтовано русичами: Горазд, Одинец, Хорст.

- Родичи! Родименькие мои прибыли! Хес, ты слышишь, родня моя! - голосила я, забыв про всё на свете. - Давай пропускай! На Руси чумы нет и не будет, если до нас не дошла! Слава Господу всемогущему! По воде прибыли, а мы по суше ждали, да не так скоро.

- Умно, умно. Видишь, грязь непролазную морем да реками обошли. Груза много смогли взять. Осадка низкая, может, на торг привезли чего? Как думаешь?

- Да отдай ты приказ сначала! Узнаешь. Видишь, люди семьями, с имуществом. Намаялись. Пушкаря своего заткни, не терпится ему!

Карантинный флаг пополз вниз. На судне поняли правильно, раздались слышимые даже сквозь ветер и шум волн радостные вопли. Ладя медленно, осторожно принялась приближаться к причалу.

- Хлеб-соль мне из таверны, быстро! - бросаю за плечо, не глядя.

Бросают швартовы, наши морячки бойко хватают, наматывают и завязывают на крестовые кнехты толстые канаты. С борта начинают спуск трапа. Скорее, скорее! Я первая, они должны увидеть меня первой, толпа пропускает меня, стою почти у кромки, вот-вот волна оближет ноги.

- Ваша Светлость, хлеб!

Блин, вот же немчура бестолковая! На подносе горкой красуется образцово нарезанный на тонкие ломтики каравай. Сбоку грязная деревянная, но доверху полная солонка.

Спускаются первыми важные незнакомые мне люди, топают, утверждают по тверди земной ноги. По одежде да богатым шубам внакидку видать: русские купцы-молодцы. Старики-то дома сидят. Барыши считают.

- Отведайте хлеба-соли земли королевства Ольдфрисландского, гости дорогие! - слегка склонив голову, приветствую земляков на неплохом старославянском. Воркования с Гордеем пригодились, также общение с наёмниками на их родном языке.

- Благодарствуем, добрая хозяйшкa! - берут кусочки, переглядываются, но серьёзны. С хлебом в руках тут не шутят. Макают щедро в крупную грубую соль, со вкусом, не торопясь съедают до крошки. Обтряхивают густые длинные бороды.

- Приветствует Вас на своей земле супруг мой богоданный, герцог Фрисландии, Его Светлость Хессел Мартина, - веду рукой в сторону мужа. Он цветисто, по протоколу, приветствует. Я толмачу.

По трапу, впрочем, его уже отбортовали, есть канат, перила, значит, уже сходни называется, спускается троица суровых "родственников". В полном парадном воинском облачении, при оружии. По значительным лицам видно: не зря съездили. С результатом.

- Брат мой Горазд, мы с супругом приветствуем тебя, твою семью и род твой на земле Фризской, хлеб-соль! Ему я уже кланяюсь как мужчине родственнику, голова и плечи ниже. Он удивлён до крайности нашим родством, молча жуёт хлеб.

- Брат мой Хорст, мы с супругом приветствуем тебя, твою семью и род твой на земле Фризской, хлеб-соль. Он присоединяется к Горазду. Пока рты их заняты, а Одинец замешкался на сходнях, объясняю им, что пра-пра-пра-бабка моя была родом с Ладожских земель, мы наверняка шести- либо семиюродные родственники. А если и нет, то землячка я их. И всё тут! Я так рада землякам, что только что с моей родины прибыли, пусть из другого времени, что наверняка бы и с поцелуйным обрядом не замешкалась, но на подносе хлеб, а не чарка.

- Брат мой Одинец, мы с супругом приветствуем тебя, твою семью и род твой на земле Фризской, отведай наш хлеб-соль. Одинец подозрительно зеленоват, ему не до хлеба, на земле бы постоять.

- Болезнь морская одолела? - спрашивает Хес, я перевожу парню. Но он и так поймёт, фризский язык от немецкого мало отличается.

- Пара минут на твёрдой земле, всё как рукой снимет.

И точно, вот уже повеселевший, порозовевший Одинец домолочивает хрусткую корочку. Я заметила, как он глазами выбирал, мы, любители корочек, все родственники между собой!

Всем сходящим на берег я просто по-русски говорю: «Хлеб-соль, дорогие земляки!».

Видно, люди очень устали. А их много. Тут точно не три семьи. Палуба постепенно освобождается, я послала ещё за хлебом. Одни спускаются, тут же осеняя себя крестом, оседают на песок, видимо всё ещё качает. Другие доходят до откоса с травой и садятся там семейными кучками. Я насчитала пятнадцать групп, некоторые привезли козочек. Была одна тёлка. Боже

мой, как они плыли все? На палубе, без укрытия, в тесноте, с животными. А ведь ещё экипаж есть. У владельцев судна небольшая каюта имелаась.

- Хессел, это моя родня проездом. Сначала Миддлзе, потом Хунте, а на берегу уже баронство наше. Жить к себе барон звал. Деревня ещё одна будет.

- Богато у тебя родни, жёнушка! - смеётся Хессел. Он уже узнал, какой груз в трюмах ладьи, ему теперь не терпится заняться проблемой — как отбить товар у местных купцов, что уже хищно присматриваются к гостям.

- У них есть шатры с собой, люди простые, не родовитые, тепло уже настало, разреши стать им табором за городом у реки, где дома кончаются.

- Не зазорно будет?

- Да вовсе нет, им главное отдохнуть пару дней, да скорее далее в путь. К севу торопятся успеть, май-то в разгаре.

- Братьёв на пир с жёнами зови.

- Неженатые.

- Матушек тогда их пригласи.

- Не положено русским женщинам на пиры с мужчинами ходить. Отдельно позову. К себе. Но завтра.

Глава 6.

Хессел Мартина.

Всё-то мы на виду, всё на людях, под пристальными взглядами подданных. Даже в опочивальне нет покоя: наша милая дочь повадилась забираться к нам в кровать посреди ночи, как кутёнок прильнёт, посапывает. Ну что тут сказать, не гнать же. Линда уходит из своей спальни ко мне на ночь, а она привыкла с ней вместе почивать в Мюнне. Просыпается у неё в спальне одна и топает к нам. Жена говорит, что ей это сейчас нужно, для правильного развития души, восполнить недополученное ранее. Так что любимся теперь урывками, как любовники, где ни попадя, где придётся, в укромных уголках дворца... Смех и грех, говорит жена, а мне нравится!

Просыпаемся втроём, разбегаемся. До позднего завтрака обязательно лёгкий отвар либо воду пьём и к делам. Дочка отправляется на учёбу: мы выписали для неё троих учителей из Голландии, да и сами с Амелиндой решили взять часть наук на себя. Пусть познаёт мир под нашим крылом — как птенец, который учится летать рядом с родителями. Если что-то упустим, в пансионе наверстает — так решила моя мудрая супруга, и я с ней согласен. Через год, к тринадцати годам, можно будет подумать об этом.

Амелинда обычно с утра обход по всем службам дворца и по мастерским делает: кто чем живёт, дышит, как работают. Заказы у неё везде, вещички всякие ей надобны. Но сегодня она поедет с охраной в лагерь к воей дальней родне. Хочет помощь лекарскую предложить, кому надобно. Поговорить с людьми, опять же, узнать, как родина далёких её предков по материнской линии поживает. Какие новости опять-таки на Руси? Небось всё воюют, междусобицы устраивают, так же как и в Германии, впрочем... Но мы-то в своих землях уже образумились, слава небесам!

Мне спешить надо, потому рано встал, еще до того, как цветочки мои проснулись. Купцы наши фризские оголодали без товару с запада да юга. Сейчас накинута на приезжих русских торговцев, вмиг растреплют. Торговля у нас — дело свободное, не важно, кто ты, хоть трактирщик, хоть герцог, хоть купец первой гильдии. «Кто первый встал, того и тапки» — такой справедливый принцип. Тому нужнее, значит.

Хьюгенн сонный, уже ждёт, зевает, крестит рот, с ним рядом жена молодая, Леанна. Шустроглазая дамочка. Помню её, камеристкой у незамужней леди Амелинды служила. Вот та её и вызвала к себе. Секретаршей попробует быть. У Ридигунды подучится, будет помощницей супруге моей в делах. Вот семейная пара будет дружно трудиться на пользу правителям, а значит, государству.

Я замечаю, что жена постепенно набирает всё больше женщин в службу. На места, которые управляющий оставил свободными, потому что прежде, до сокращения штатов, там работали воры да ленивцы. Линда проталкивала своих знакомых вдовиц, девиц и даже замужних женщин, как, например, Леанну. Она создаёт вокруг себя круг верных людей, думая, что я не замечаю. Пусть. Это правильно. Даже садовник, пересаживая деревце в другое место, берёт часть почвы со старого.

Приехали. Алые полосы рассвета окрасили небо, и море мерцало, как расплавленное золото. Люблю час рассвета на море. Оно спокойное, будто тоже спало ночью, как люди. Я подгадал верно: пришёл ни свет ни заря, пока воздух ещё свеж, немного зябко, а тени длинные, как копья моих стражников на посту. У русской ладьи уже собираются грузчики — лохматые со сна, заспанные, но уже готовые к работе. Они потягиваются, перебрасываются срамными шутками, отряхивают об колено пыль с грубых рукавиц. Подъезжают грузовые телеги — скрипят колёса, фыркают лошади — и выстраиваются ровными рядами.

Купцы будут выбирать временных работников, грузчиков, возчиков. Часть товара продадут уже с трапа, я пришёл именно за ним — за зерном, воском, мёдом, дёгтем, мягкой рух-

ляди мне в этот раз не надо. Казённые и даже мои деньги все уйдут на зерно, остальное — как договоримся.

Прибыли из гостевого дома два брата, мы вчера накоротке успели поговорить. Они наш язык знают не очень хорошо, но германское наречием владеют, купцу надо много наречий знать, иначе успеха в торге не будет. Узнал, что за товар пришёл морем. Потому я тут ни свет ни заря.

Тяжко нам, приморскому городу и стране, без товара морского — словно кораблю без сорванных в бурю парусов. Не движется дело. Всё у нас на него завязано: торговля, ремесла, пропитание, сама жизнь населения. Без малого год никто не входил из дальних стран в нашу уютную бухту — она, обычно шумная и оживлённая, сейчас словно в полусне. Потому рады мы всем городом этому судну, пусть будет первой ласточкой.

Сначала осмотр товара. Я имею дело со старшим братом, именем Михайла, он в своём деле толк знает, я тоже знаю порядок, так что дело движется. Засновали, как муравьи по цепочке-трапу, грузчики, каждый с мешком. Я могу залезть в любой и любой же взвесить. Они заявлены весом в два с половиной пуда каждый. Я показываю Михайле стилосом подсчёт:

- Ваш один заявленный пуд — это шестнадцать килограммов будет. Если два с половиной ваш мешок тянет, то будет весом сорок килограмм. Вот весы, вот разновесы в мешочках. Взвесим.

Хьюгенн с грузчиком угнездили на одной огромной чаше мешок, на другую кладём три по пять мешочков, и стрелка начинает ровняться, колебаться, но ровно не встаёт. Кладём малый, килограммовый, стрелка движется, дрожит, но равного веса нет.

- А надо бы нам ещё мешочек малый добавить, что-то маловат ваш пуд, ну-ка! - Я кладу на весы довеском полкило, наконец стрелка стоит ровно. Купец крикает, чешет бороду. Мы оба понимаем, что большой мешок ведь тоже сколько-то весит.

Помошники живенько прикидывают ещё десяток мешков, взятых наугад. Везде самую малость недовес.

- Михайла, без обиды, товар хорош. Доброе зерно. Но ваш пуд — это наши пятнадцать с половиной килограмм. С того и будем считать. Ведь, кроме веса мешка, зерно немного влажное, это понятно. Сушить будем. Воздух морской, речной влажный, ничего не поделаешь. Но чистым весом всяко меньше выходит.

- Ваша Светлость, басит купец, вытаращив коровьи карие глазищи, — так и песок ваш в разновесах влажный, ровно получается! Он разводит руками, призывая в свидетели всех, кто слышит торг.

- А у нас не песок в разновесах, — не вовремя влазит Хью. — У нас там соль!

- Соль??? Как соль? Покажите, я не верю!

- Да Бога ради, в обманщиках не ходим! — управляющий кинжальчиком тычет в малый мешок, в дырке серая крупная соль. Но купец снова не верит и пробует её на вкус.

- Право слово, соль вместо песка. Вам что, девать её некуда? — его глаза сейчас вылезут из орбит.

Хьюгенн долго кашляет, наверно, синяк на рёбрах будет. Ну, пусть себе прокашляется. Вдруг бы не то брякнул? Говорил я ему: «Поперёк батьки в пекло не лезь», нет, вечно что-нибудь да вставит.

- Уважаемый Михайла, девать нам её есть куда. Эта к торгу приготовлена. Вглубь скоро повезём. Видишь, взвешена уже. Ну попользовали разновесом, с неё не убудет. Казённая соль, с государственных складов. Строго учтена.

- Много ли той соли? Каковы цены оптовые?

- А много ли того зерна, а есть ли пшеница, овёс, пшено, ячмень? А чего мы тут на ветру как зяблики стоим, торг можно и во дворце вести.

Тот же возница, что привёз купцов, везёт их во дворец. На боку легкой коляски нарисованы жёлтые и черные клетки, шашечки. Чтобы люди видели, это такси — наёмный возок. Таксисты платят налог в казну, небольшой. Зато овёс им с государственных складов в первую очередь. Город небольшой, поэтому такси всего три: у порта, у рынка и возле дворца. Так и колят весь день. Я и управляющий, как конвой — следом. Чтобы гости с пути не сбились, не передумавши. По пути замечаю разочарованные физиономии двух наших торгашей, спешивших в порт. Кто первый встал — того и тапки!

Завтрак нам накрывают в семейной столовой. Тут нет верхнего и нижнего стола. Негоже торг вести с позиции власти. Не знаю, где как, мой закон таков: в торге все равны. Амелинда однажды меня спросила, почему только в торге? Есть ещё места, где все равны. В бане, например. Значит, в баню тоже пригласим. Про русичей слух идёт, что больно чистоту блюдут, моются каждую субботу в избёнках с жаром, паром.

У меня теперь тоже такая есть, как в Мюнне. Велел поставить, недавно достроили. Полюбил я баню. Там не только тело — душа отмывается, и сердцем мягчеешь. Словно корка из засохшей крови войны растворяется, забывается самое страшное.

Мы рассаживаемся. Старший брат по правую, младший по левую руку.

- Торговым гостям всегда рады. Михайла и ты, Любомир, скрывать не буду, сами всё видели — пустой порт. Чёрной смертью всех пугаем, чтобы, пока не утихнет на западе и юге чума, оттуда корабли к нам не шли.

- Верно всё, Ваша Светлость, жизнь дороже товару. Мы тоже хотели уйти. Если бы не пассажиры, точно ушли бы. Воин Хорс сказал, хитрость это у вас, от чумы чумой спасаетесь.

- Угощайтесь, стол семейный. По-простому, не для пира.

- Соль на столе такую гожую где берёте? Своя-то у вас соль груба да сера.

- Тоже своя, с нашей солеварни. Для аристократии. Сорт высший, выварочная. Пока мало. Приедете ещё, сделаем. Коли в цене сойдёмся.

Торговались вприкуску долго. Жена подошла. В русском платье. В короне русской. Заворковала, тихо заулыбалась, скромно потупя синие очи. Что ни слово купцам, то хвалебное, что ни движение бровями, то ума помрачение. Улыбка тонкая, только намёк. Ещё блюда принесли. Блины успели затеять быстрые. Икру эту видеть уже не могу, а гости черпают ложками в блин, потом в рот, да нахваливают, нахваливают. От вина отказались, так Линда их пельменями удивила. Пока мы торг вели, кухня в поте лица трудилась. С плиты всё несут, да несут. Вот так вместо завтрака пир получился. Харальд с Клариссой подошли, поприветствовались, сели, вкусно поели. Отпустил.

Вот уж и купцы пояса распустили, да и мне что-то тяжело стало. Обжорство ни к чему. Голова плохо работать будет.

- А как товар друг другу перекинете, то милости просим, гости дорогие, в нашу баньку. По русскому обычаю, с вениками разными, с паром добрым! Его Светлость сам вас попарит, охочий он до бани, прям как русский!

- Ох, добро бы, добро бы! Спаси Бог хозяйюшка, с дороги морской банька к телу как масло к блину, надобна.

Видно, как довольны торговые гости выгодой неслыханной. За каждый целый мешок дорогой, всегда нужной соли всего то одиннадцать мешков ржаного зерна сторговали. Овёс и ячмень те известно дешевле, их по пятнадцать мешков за мешок соли отдают. Пшеница у них отборная вышла. Год хороший был. Ждали долго, чтобы к весне хорошую цену взять. А она из-за большого урожая взяла да и не повысилась! Так всё равно взяли! Обменом взяли, с того выгода будет сам пять, как приедут.

Сами и рассказали, болтливые больно гости, слово тайное у них не держится. За мешок соли уплатится пять мешков пшеницы. Остальное решили за деньги покупать продавать: мёд, пеньку на канаты, воск, дёготь, жир, да меха красоты несравненной, супружнице герцога. Соболев, куница, норка, белая лиса, чёрная лиса - всё есть! За такой приём приветливый, хлеб соль с уважением, да цены на эту соль низкие, даже подарили низочку жемчуга дочери. Линда такие подарки любит и бонусами называет.

Слово словом — дело делом! Положили рукобיתье, этот обычай я знаю, после рукобיתья русский цены ни прибавит, ни убавит, хоть что творись вокруг. Беру с собой всех свободных мужчин в хозяйство. Едем соль со складов вытаскивать, зерном набивать. Другой, второстепенный товар смотреть. Больше чем уверен, никто из купцов фризских с порта не ушел. В таверне сидят, пьют, едят, ждут свой черёд поживиться. Ничего, ничего. Как лев пообедал, после него много чего кому с его добычи остаётся.

Не для себя скупил. Сеять надо. Кормить пахарей надо. Сейчас прямо. Зерно посевное во многих общинах съели. Кони слабы. Мужики слабы. Чтобы отсеяться, не только семена, силы нужны. Завтра же поедут в каждую землю Фризии по обозу, будущее моему народу повезут. Обратно соль нагрузят. В общинах её много скопилось. Заработок ею прошлым летом выдавали. Как сторели поля, потянулись люди к морю, хоть за каким прибытком. Работали, своим потом морскую соль присаливали. Выходит — не прогадали. Работящий у меня народ, дружный и добрый. Грех в беде не помочь. Для чего тогда в дюках сижу? Мы - фризы законы предков помним. Вождь в ответе за свой народ.

Сейчас словно гора с плеч упала. Исчезла постоянная нудная дрожь в душе: на сколько дней муки осталось, что сеять, как детям голодным в глаза смотреть? С какого неба упали на нас эти торговцы? По чьей молитве привёл их Господь к нам? Переселенцы ехать могли и по суше. Как ловко с солью этой получилось! Нам хлеб нужен, им соль. У нас той соли горы, у них урожай богатый, и на зерно, несмотря на весну, цены сильно не выросли, а соль всегда в цене.

Она для посолы всех припасов, она для выделки кож, для пищи, от вредителей полевых, семена от спорыньи в рассоле вымачиваем, скоту надобны камни-лизунцы. Даже как деньги её можно давать в уплату, всегда спрос найдёт наше белое золото. Особенно когда мы её действительно белой сделаем. Вдесятеро дороже пойдёт. У нашего моря золотое дно, да, я помню. Ведь разглядела сразу, с первого взгляда, что на золоте сидим.

Теперь вот с этой бумагой опыты ставит. Прачки ворчат, но верёвки дополнительно натянули. На тех, где висели зелёно-бурые ленты, уже больше бельё не повесишь. Сухие, ломкие полосы и комки прямо сламывают с верёвок, куда-то уносят. Если получится бумага из морского мусора, то малюсенькое герцогство расцветёт в два-три года!

Ещё соседям помогать будем! Стоп, стоп! Хес? Это точно твои мысли, ты уверен? Когда такое было, чтоб не своим, а чужим помогать? С чего эта блажь мне в голову пришла. Я что — международный волонтер? Ладно, на блажь жены смотрю снисходительно: Орден добровольцев, бабский совет, законы про защиту незащищенных. Я её люблю, вот и позволяю, пусть тешится, женское сердце милостиво и сострадательно более мужского.

Но сам-то я до чего додумался! Соседям помогать... Голландцам, что ли, помочь? Чтобы жили хорошо и к нам не лезли. Или пусть лезут? Встретим с распростёртыми объятиями. Они же всеми способами пытаются к нам внедриться: жениться, приданое хапнуть, дочь вместе с целым баронством за меня сватали, чтобы присоединиться. Войнушки мелкие то и дело устраивают, чтоб кусок от нас оттяпать, своей земли им мало, та же беда, что у нас. Устрою большой совет, приглашу-ка я соседей к нам, в Ольдфрисландское королевство. А то лезут и лезут, ей-богу, как паломники к святым местам. Пусть будут, раз так хотят!

Доротея там у меня аванпост держит. Удалось её выдать за пожилого барона, что прямого наследника не имел. А наследники второй очереди, племянники по супруге - голландцы.

Барону уже пятьдесят, вряд ли получится с наследником, зато он долю вдовью супруге отписал - ровно треть земель по площади, да самых лучших, с богатыми двумя деревнями. Уж как моя бедная родственница тем обстоятельством была довольна, прямо рацвела!

Я самолично вместо отца её к венцу вёл, да наказ шепотком дал, мол, Вы уж, леди Дороти, расстарайтесь для страны родной с наследником, любым путём, лишь бы был. А лучше не один. Она только глаза долу опустила, мол, поняла. А на пиру свадебном, скромный был пир, всё же не молодёжь женится, а вдовец на вдовице; сказала мне, что в вечном долгу передо мной, потому исполнит долг перед мужем и перед сувереном во что бы то ни стало. Вот что значит благодарный человек, хоть и женщина!

С другим же родственником прямо беда. Затаился виконт в своём замке, вместе со всей своей злобой затаился. Не видно, не слышно. Раньше-то всё у герцогского двора отирался, бюджет, видать, у себя разорил, ко мне припёрся. Еле вытолкал, чуть не взащей, когда с продуктами совсем туго стало. Лучше бы я слуг кормил, ей-богу, чем этого негодяя. Давно надо было выставить. Никакой благодарности, что тайну его рождения я не стал ворошить, виконство незаконнорожденному оставил, титул сохранил. Ничего! Даже вежливое спасибо не сказал. Похороны за мой счёт, поминки эти, будь они неладны, за мой счёт, до сих пор ничего не вспомнил про окончание тризны. За мой же грош, да я же не хорош.

А он обиделся, что наследства его лишили! Ты кто такой, чтобы его получать? Раз! Ты его ещё до получения задолжал. Два! Спасибо приёмной матери не сказал, что, уходя на тот свет, его долг чести оплатила. Изменников казнят и всего имущества лишают, он живой-здоровый, при добре своём остался — три! Сожалею уже, что не казнил, прямо вот расстраиваюсь сильно. Зачем на поводу у жены пошёл?

Ума не приложу, что Амелинда с таким ослом будет делать. Она хочет как-то из него пользу извлечь.

От дерьма и то больше пользы, чем от дерьмового человека! И у нас, оказывается, один отец! Пословица «Не та мать, что родила, а та, что воспитала» к отцам тоже относится. В любом случае. Хоть к хорошему отцу, хоть к плохому. Его воспитал пример виконта, редкостный моральный урод был. Мой отец был человеком чести, правда, как оказалось, не во всём. На леди Маргарет беременной не женился. Так ведь нам с детства вдалбливают: та, что до свадьбы дала тебе, после свадьбы даст любому. Моя матушка, значит, сердце его скромностью и неприступностью покорила. Приданое у трёх сестёр одинаковое было.

Мсть тётки меня потрясла. Я спать не мог, есть не мог несколько дней. Лицо её всегда доброе вспоминал и думал: значит нет в мире истинной доброты, всё ложь. Вспомню, бывало, скажет: «Деточки любимые мои, Харальд и Кларисса», с такой нежностью на них смотрит. После того как меня устранила, несчастный случай Харальду подстроить хотела... Может прав был барон Вальдемар, что советовал скрыть всё от меня? Виконт от злости контроль над собой потерял, сам материнские тайны из её архива выболтал. Так тяжело было, слов нет. Думал: нет в мире любви, всё притворство. Линда помогла, полегчало, истинно спокойнее стал на предательство смотреть. Проще.

Каждому человеку даёт Бог свободу выбора. Она выбрала предать, мстить, убить. Тётка Джеральдина выбрала помочь сестре, молчать всю жизнь. Моя мама выбрала их любить и доверять. Каждая выбрала своё. С тем и осталась. Моей вины в том нет вовсе. Более того, в милосердии себя излишнем обвиняю.

- Ваша светлость, к Вам супруга с неофициальным визитом.

- Гунда, можно проще? Жена пришла.

- Нельзя, Ваша светлость, я своей должностью дорожу. - строго говорит моя секретарь-фаворитка.

- О, Хессел, Хес! Как нам Бог благоволит! Как вовремя и с каким нужным товаром при- были русские купцы! Ты ведь даже во сне муку считаешь! Я так счастлива, как дитя у материн-

ской титки! Всё, голод отступил, до нового урожая есть еда, зерно на посев. Лошадям прикажи двойную норму овса давать, пахота вот-вот. У Ювинга собрались на себе мужики пахать. Я им лошадь одну оставила. Сестра она Буянке моей, подружки они, вот и злится, волнуется, любит.

- Лошади, значит, любят, а мы нет? Нам всё некогда и негде? - Я тихонько подкрадываюсь к ней сзади, чтоб не успела выскочить из кабинета. Не успела. Или не сильно хотела успеть. Зато я успел крикнуть за дверь: "Гунда! На стрёме!"

Она свою службу знает. Пока мы были сильно заняты, раза три слышали категоричным тоном:

- Куда! Стоять! Занят, сильно занят! Не вашего ума дело.

- Опять ты! Кому сказала - занят! Да что ж такие все настырные!

- Нет, нет, не примет, да вы не по записи, капитан! Тем более не примет, занят. С Её Светлостью... совещаются, по важному государственному вопросу!

Когда капитан моего рыбацкого баркаса стал возмущаться, что у него тоже важное государственное дело, мы уже освободились. Я вышел из кабинета, чтобы не смущать жену.

- Что за дело срочное, кэп? Мой "Буйный ветер" ветром унесло?

- Рыба пошла, Хес! Пошла большая рыба, никогда столько не видел, сколько себя помню! Ты мальцом со мной ходил, когда дядька тебе врал?

- Значит, выходим с утра. Всех собери, да клич кликни, может, ещё кто хочет поработать. В лагерь к русичам сходи. Скажи им: "Соль даю в уплату за работу по посолу, пусть идут в команды наши в помощь". Матросов пошли по горду с утра, пусть горожане выходят, свою соль несут, свои бочки. Рыбу на каждый дом выделим, бесплатно ...от Ордена волонтеров, помощь. Ремонтников предупреди, чтобы завтра под парус ставили, сколько можно на верфи суда держать. Эх, купцы ушли, ладно, в бане поговорим. Давай, дядька, созывай рыбаков! Страда наша пришла - путина!!!

Глава 7.

Хессел Мартина. Путины.

Во время путины я редко ночую дома. Потому что с утренней звездой - снова в море. Разгрузив рыбу на берегу, выжатый, как тряпка в руках усердной служанки, я ночую в прибрежной таверне. Одна привилегия — корыто и отдельная с Кэпом комната. Он смеётся над моим мытьём, будит меня, разморенного в лохани. С ранней юности так повелось: путину, если на тот момент не было войны, я никогда не пропускал. Кэп — мой дядька, ну что-то типа фрейлины у знатных девчонок. Отцам - правителям некогда, они редко видят своих сыновей, вот и приставляют таких воспитателей из числа проверенных людей, что не манерам, не грамоте учат, а жизни.

Зная, что во дворце я появлюсь не скоро, предупредил жену, дал ей дополнительные полномочия и со спокойным сердцем покинул на время семейный очаг. Со мной в этот сезон в первый раз идёт Харальд. Линда по этому поводу искудалась: «Куда-куда мальчика тащишь!» Он же рвался, как молодой жеребчик, почуявший волю. Харальд любит море и ждал этого часа несколько лет.

Я, Хессел Мартина, правящий дюк Фризии, стою на носу своего драккара «Буйный ветер», крепко вцепившись в резное изголовье в виде головы морского змея. Ветер свистит в ушах, заставляет щурить глаза, солёные острые брызги впиваются в лицо. Я чувствую жизнь! Чувствую, как мерно, в такт моему дыханию, бьётся в каждой волне сердце родного моря. Моя кровь солонка как это море, оно в каждой её капле. Я оставляю чертоги дворца, город, государство, твердь земную, чтобы встать плечом к плечу с рыбаками — не как властитель, а как один из них. Море не признаёт титулов: оно равно испытывает и герцога, и юнгу.

Гаснет утренняя звезда, что сияет на востоке перед рассветом, а вечером загорается на западном небосклоне первой после заката. Это любимая звезда моей матери: «Где бы ты ни был, сынок, что бы ни случилось со мной или с тобой, мой мальчик, взгляни на неё. Пока она есть, пока она светит — моя любовь с тобой. Она даст тебе силы пережить любые испытания, доколе не призовет тебя Господь...» Потом мы смотрели, как она исчезает в лучах восходящего солнца или становится ярче после заката. Молчали. Так случилось несколько раз. На самой высокой башне дворца, но чаще всего не берегу моря. Матушка жила недолго, тихо и ласково. После её смерти, когда мне исполнилось двенадцать лет, я не чувствовал себя сиротой. Ведь звезда, как и материнская любовь, была со мной.

Она постепенно померкла. Жена говорит, что это очень далёкая планета Венера, пусть так, я не астролог. Название символичное. Рассвет разливается над туманным горизонтом ало-золотым полотном. Небо, ещё недавно чёрное, как днище просмоленной лодки, светлеет, открывая бескрайнюю ширь родного Северного моря. Волны, увенчанные барашками белой пены, качают судно, будто укачивая дитя. Море для меня, что колыбель для младенца. В воздухе витает терпкий родной запах водорослей и приятный дух просмоленных канатов. Где-то вдали кричат чайки — вестницы удачи. Чайки видят косяк сверху.

«Ветер попутный, Ваша светлость!» — кричит кормчий, и я киваю, вглядываясь из под ладони в даль. Эх, вот бы мне ту штуку, которой хвастал деверь Андреас - бинокляр. Рыбаки суется на палубе: проверяют сети с деревянными поплавками и свинцовыми грузилами, перебрасываются короткими фразами. Я беру в руки моток бечёвки, помогаю вязать узлы — пальцы, привыкшие к перу и мечу, ловко справляются с грубой работой.

Солнце поднимается выше, рассеивая остатки тумана. Море играет оттенками: у борта вода тёмно-изумрудная, а дальше — иссиня-чёрная, с проблесками серебра там, где резвятся дельфины. У них своя путина. Нужно наесть жирок после тощей зимы. «Есть!» — раздаётся

крик вперёдсмотрящего. У поверхности вспыхивает серебристая россыпь — косяк сельди идёт на нерест.

- А-а-а! Смотри, отец, смотри! Косяк, косяк! Какой огромный! Смотри, вода кипит аж до тех скал! - охаченный азартом машет руками и кричит Харальд.

Начинается работа. Путина - рыбацкая жатва. Морская страда. Пот здесь солонее вдвое.

Мы бросаем сети широкими дугами. Они расправляются в воздухе, похоже на огромные прозрачные стрекозиные крылья, и с плеском уходят в воду. Рыбаки тянут канаты, мышцы буграми вздуваются под пропитанными солью моря и тела рубахами. Я вцепляюсь в мокрый пеньковый трос, чувствую, как он дрожит от напора рыбы. Сеть тяжелеет на глазах, её едва удаётся поднять.

Когда сеть наконец вытягивают на борт, она трепещет и переливается живой ртутью. Сельдь бьётся, сверкает на солнце, склизко скользит между руками. Стараюсь не наступать сапогами, но это невозможно. Кто-то хохочет, кто-то крестится, благодаря морских духов за щедрый улов. В уме простых людей Христос прекрасно сочетается с духами. Еретики по неведению.

Я почти не устал, радостное возбуждение поддерживает мои силы. Сын и подавно, со всем азартом молодости и задора кидается выполнять команды кэпа вперёд всех и, разумеется, мешает остальным рыбакам, они терпят пока, но я знаю и помню: так будет недолго. На пятый день, когда сил на вежливость не остаётся, он будет огребать от старых рыбаков по полной, так же как и я в своё время.

Смотрю на эту трудовую суету, на усталые, но со смеющимися морщинами лица, сердце наполняется теплом. Вот она, настоящая жизнь — не в позолоте залов, а здесь, среди солёного ветра, крепкой, но незлобной ругани и плеска волн. Море неслыханно щедро в этом голодном году подарило нам свой дар, и мы примем его с благодарностью.

К полудню небо проясняется окончательно. Мы распределяем улов в двуручных корзинах в прохладном трюме, там вкусно пахнет свежей рыбой. Я поднимаю странную флягу, что держит тепло очень-очень долго, делаю глоток горячего травяного отвара с мёдом, он даёт силы, и обвожу взглядом горизонт. Где-то там, за линией воды, ждёт берег Фризии. Там сейчас спешно оборудуют "рыбные дворы" для переработки улова

Оглядываю обозримую поверхность моря. Вокруг, насколько хватает глаз, идёт работа: десятки рыбацких судов, больших и малых, они раскинулись по водной глади, словно стая голодных чаек. Вёсла ритмично вспарывают воду, гонясь за косяком; сети взлетают и падают, блестят на солнце мокрые борта. Вода кипит не только от рыбы, но и от множества работающих на расстоянии пятидесяти гребков судов.

Вон ближе к нам старый когт с выцветшим парусом — это рыбаки из Морской. Вижу, как они дружно тянут сеть: кто-то упирается ногой в планшир, кто-то перебрасывает канат, кто-то уже подхватывает стопку корзин, чтобы сразу вываливать туда серебристые тушки. Чуть дальше два холька, почти близнецы: их команды перекликаются через воду, подбадривают друг друга. На одном из них замечаю мальчишку лет десяти — он прыгает у борта, хлопает в ладоши при каждом всплеске рыбы. Рановато взяли в море. Видать, старше нет сына.

Косяки сельди идут густо, и каждый улов не просто еда, а залог благополучия Фризии. Рыба у нас — основа жизни. Она кормит семьи зимой, когда поля спят под снегом. Она спасла нас от голода. Она идёт на продажу в Гамбург и Брюгге, меняя серебро монет на хлеб, ткани, железо. Рыба — это деньги, это торговля, это кровь, это сила нашего побережья. Без неё не выжить, без неё не разбогатеть. Сейчас, когда мы в составе королевства Ольдфрисландского, торговля беспопытная, нет таможенных сборов купцам на радость.

Я слышу обрывки разговоров с соседних судов, люди перекликаются громко и радостно:

— С этого захода на пять бочек точно наберём!

— В прошлом году так не везло...

— Слава святому Виллиброрду, что ведёт нас!

Один из капитанов, седобородый мужчина в кожаной шапке, узнаёт, замечает меня, машет рукой:

— Ваша светлость! Смотрите, какой дар море нам дало! Если так пойдёт, к осени закрома будут полны, купцы довольны, мы с денежкой!

Я киваю и улыбаюсь. Он прав: каждый полный трюм — это не только сытые рты, но и крепкие паруса на торговых судах, идущих в Англию и Фландрию. Рыба кровь нашей экономики, её пульс, её дыхание. От неё зависят и ремесленники, солящие и вялящие улов, само собой: бондари, солевары, и купцы, грузящие бочки на корабли, и семьи рыбаков, ждущие мужей и отцов на берегу.

Но не все рыбаки возвращаются. Не всегда возвращаются. Море берёт свою цену. Каждый год, каждый сезон. Особенно когда суда старые, паруса ветхие, шторм силён, а голод сильнее. Невзирая на опасность, некоторые суда выходили в море в марте. Одно не вернулось, и надежды уже нет. Хотя бывали случаи, и через годы возвращались занесённые морским течением в чужую страну рыбаки. Бывали. Но редко. Поэтому по пропавшим в этом сезоне отслужили поминальную мессу.

Гильдии рыбаков заботятся о вдовах и сиротах из общего фонда взаимопомощи, о старых одиноких родителях, если так сложилось, оставшихся без главного кормильца. Каждый знает, случись с ним что, семья под защитой гильдии. Эта мысль действительно была главной в разговорах моей команды, когда нас семь дней носило по бурному морю. Рыбацкая гильдия есть в каждом прибрежном баронстве, есть и у меня, как раз Кэп её глава, он получил эту должность по наследству, прямо как я свою! Ремесло рыбака тоже передаётся по наследству.

Вступление в гильдию требует прохождения обряда. Мои рыбаки приносят присягу Главному ловчему Кэпу, платят вступительный взнос натурой - мясом, потом преподносят свиной окорок смотрителю моей тюрьмы, ну и, само собой, устроить угощение для новых товарищей. Именно гильдия регулирует рабочее время, места лова, размер сети и ячеек в ней. Мы ловим рыбу только днём, строго определённого размера сетями. Иначе море обидится. Ему нужно кормить не только людей. Мы это понимаем.

Солнце перевалило на вторую половину дня. Спокойное с утра море начинает волноваться. Ветер крепчает, разгоняя стаи чаек. Мы снова и снова бросаем сети, и вновь, и вновь они наполняются живым серебром. Рядом, в десятке саженей, команда на другом судне хохочет и кричит от радости: их сеть так тяжела, что приходится звать подмогу со спящих повсюду между большими судами мелких боттеров. В каждой — два - три рыбака, сети, корзина для улова.

На одном таком боттере мальчишка гребёт к косяку изо всех сил, а старик рядом перебирает сеть, попалось на отмели с десятков камбал. Кто-то бросает в воду горсть соли — на удачу, по старинному обычаю. Обычаев, связанных с ловом, несколько. Их блюдут пуще поста и воскресного причастия. Море сурово, и люди выработали правила, что крепче самого толстого каната.

Первый улов — всегда морю. Прежде чем грузить рыбу в трюм, бросают за борт горсть соли и три мелкие монеты: «на удачу и сытость». Старики шепчут, что так задабривают духов волн. Христианству скоро четырнадцать веков, но духи - долгожители в памяти поколений.

Делёж должен всегда идти по чести. Если две команды поймали один косяк, делят улов пополам, даже если в одной сети больше. Спор решают старшины артелей. Нарушителя ждёт бойкот, а это, скажу я вам, хуже шторма. Нужно молчание на подходе. Когда замечают косяк,

все замолкают. Говорить можно только шёпотом, чтобы «не спугнуть рыбу». Дети знают это с пяти лет. Однако мой сын орал сегодня как скаженный.

Знак святого Виллиброрда есть на каждом, даже самом завалищем судёнышке — маленький деревянный образ покровителя рыбаков. Перед выходом в море капитан касается его рукой, затем касается лба и бортов. После удачного лова — обязательна свеча у образа в церкви. Эти дни у иконы покровителя рыбаков будет восковое сияние. Существует клятва на канате. Если два капитана спорят о правах на место лова, они берутся за один канат и клянутся «на верёвке предков». Ложь в таком случае — позор на весь род. Не уверен, лучше уступи или договорись о совместном лове.

Первый день, славный, щедрый, напоённый солью и ветром близится к закату. Как только солнце своим краем коснётся горизонта, судно должно стоять на причале. А чтобы не было толчеи у берега, уходить с места лова начинают загодя.

Возвращаемся. Да и какой смысл задерживаться? Трюм до краёв набит трепещущей добычей, рыба грудами лежит на палубе, корзин больше не осталось, некуда складывать, негде разместить хоть ещё одну рыбину.

— К берегу!

Властно бросает Кэп, голос его, грубоватый, хриплый, разносится над палубой.

Гружёный драккар уже не режет волны с прежней стремительностью, он идёт тяжело, с достоинством, будто сытый морской зверь. Но и гнать его сломя мачты нельзя: в толчее легко не заметить другое судно, тогда беда. «Буйный ветер» движется степенно, вальяжно, с неторопливой мощью. Другие корабли, словно подданные перед своим дюком, почтительно расступаются, давая нам дорогу.

Швартуемся. Скрипят канаты, глухо ударяет о причал кранцевая доска. Харальд, ловкий и бравый, одним прыжком слетает на доски пристани и тут же расправляет плечи, играет мускулами, рисуется перед юными рыбаками, что смеются и перешёптываются друг с другом у кромки воды. Посмотрю я на него завтра утром, как он вставать будет!

Возле навесов цеха переработки уже собрались работники. Они ждут уложенных в корзины трофеев моря. Им предстоит успеть многое до того, как ночь накроет гавань: почистить, засолить, разложить, подготовить к завтрашней торговле.

Рыбаки уходят на отдых, их смена окончена. Теперь наступает время других: начинается горячая пора для тех, кто превращает улов в провизию, кто хранит и запасает вкус моря для будущих дней.

Властно бросает Кэп, голос его, грубоватый, хриплый, разносится над палубой.

Гружёный драккар уже не режет волны с прежней стремительностью, он идёт тяжело, с достоинством, будто сытый морской зверь. Но и гнать его сломя мачты нельзя: в толчее легко не заметить другое судно, тогда беда. «Буйный ветер» движется степенно, вальяжно, с неторопливой мощью. Другие корабли, словно подданные перед своим дюком, почтительно расступаются, давая нам дорогу.

Швартуемся. Скрипят канаты, глухо ударяет о причал кранцевая доска. Харальд, ловкий и бравый, одним прыжком слетает на доски пристани и тут же расправляет плечи, играет мускулами, рисуется перед юными рыбаками, что смеются и перешёптываются друг с другом у кромки воды. Посмотрю я на него завтра утром, как он вставать будет!

Возле навесов цеха переработки уже собрались работники. Они ждут уложенных в корзины трофеев моря. Им предстоит успеть многое до того, как ночь накроет гавань: почистить, засолить, разложить, подготовить к завтрашней торговле.

Рыбаки уходят на отдых, их смена окончена. Теперь наступает время других: начинается горячая пора для тех, кто превращает улов в провизию, кто хранит и запасает вкус моря для будущих дней.

Глава 8.

Амелинда

Просыпаюсь, а моего благоверного уже и след, и подушка простыла. Только сопит рядом доченька, мой верный созник по сну, особенно если спать под тёплым боком. Сонюшка у меня Кларисса, также как и я, не любит ранние подъёмы и рано укладываться спать. Входит тихонько Летти. Занимается своими обязанностями, «не замечая» меня, «я вас не вижу, вы — не существуете». Так уговорено.

Мне нужно утром время тишины, хоть несколько минут. Выдаются они редко, особенно после замужества. Поэтому я дорожу ими, как дракон — своим золотом. Это минуты - мой настрой на позитив.

Листаю в уме странички ежедневника: сегодня - первое, второе, то-то и то-то, пятое, десятое. Я не могу сразу врубаться с ходу в день. Ну не энерджайзер как некоторые, к примеру Идалия. Тем более в такую махровую средневековую рань, аж в шесть утра! Сплюше-совуше нужен плавный переход. Минимум пять минут созерцания узора на балдахине, три глубоких вздоха, философское принятие нового дня и мысленное прощание со сном. Иначе есть риск, внутренне не проснувшись, случайно вступить в реальность и получить травму души.

Правитель всех нас покинул, ушел в отпуск за свой счёт. У него, видите ли, рыбалка! В государственных масштабах. Я ему шутя предложила на следующий год Элимара пригласить, так он этой идеей прямо загорелся!

В общем, одна я с помощницами на хозяйстве. С шести до семи утренние процедуры: йога, импровизированный душ из двух ведёр. Первое с тёплой водой, потом мочалка, второе ведро с холодной. Иммушка в условиях местной медицины — мой лучший друг и телохранитель! ББ не прощает небрежное отношение к здоровью. Поленишься одеться как следует по погоде или ноги мокрые быстро не согреешь, всё — симпатичные сопливые последствия обеспечены. Он помогает в серьёзных случаях. На мелочи не разменивается. Некогда.

Потом пакуемся в рабочее платье — доспехи правительницы, которые одновременно и испачкать не жалко, и статус подчёркивают, и позволяют незаметно спрятать бутерброд на случай внезапного голодного приступа. Первый лёгкий завтрак, чтобы мозг начал работать хотя бы на минимальных оборотах. С восьми до десяти документы, приём по текущим делам. Обычное утро средневекового топ-менеджера. Потом обход хозяйства и дворца. Часа полтора. Сегодня обход пропускаю. Есть дело. куда более важное, чем разглядывать копоть на кастрюлях и считать без конца увеличивающееся количество слуг на кухне.

Топаю сразу в прачечную. Там квартет крайне недовольных женщин, им приходится терпеть наше присутствие: моё, и пульпы из водорослей. Герцогиня занимает нужные чаны, занимает всю территорию. Вонь её подозрительной субстанции - главный ароматизатор пространства прачечной, и деморализатор дружного трудового коллектива прачек.

Я сделала большую ошибку. Надо было разлить её по ситам ещё вчера и выставить на воздух, на просушку. Несмотря на то, что я благородными ручками промывала эту субстанцию от мусора, затем взбивала со скоростью бешеного миксера, добавила щёлока, всячески лелеяла, — она бессовестно и безответственно протухла!

Но я не собираюсь её выливать — не для того я столько мучилась, чтобы сдаться на пороге триумфа. Теперь из этого лимона в виде отрыжки Шрека мне надо сделать свой лимонад — бумагу. Двух цветов. Из ламинарии — зелёную, из фукуса — красную. Условно. Может, получится болотно-бурая с вкраплениями загадочных хлопьев, но мы будем называть это «авторским стилем».

Загодя заказала сита формата А4. Просто самая реденькая дешёвая ткань, что нашлась на складе тканей, натянутая на рамку из реек. Со столяра семь потов сошло, пока стругал гла-

денько. С кухни конфисковала все прямоугольные формы для выпечки пирогов с высокими бортами. Их обезжиривал всю ночь раствор всё того же вездесущего в хозяйстве щёлока — теперь они блестят, как новенькие. Срочно пришлось приказать вынести чан на улицу: в помещении уже глаза режет от запаха.

На выровненных по уровню досках расставлены формы, в них налита вода. Сюда я буду ставить сита, потом наливать пульпу. Опытным путём мне надо определить, какое количество этой зелёной жижи требуется на лист, чтобы вышла бумага, на которой можно будет писать. Сейчас неважен цвет. Это потом. Тем более не важен запах — я ведь не ароматную бумагу для дамских писем делаю, а стратегический запас для дворцовых отчётов. Просто количество, сколько наливать водорослевой пульпы для различной толщины.

У меня есть двенадцать сит. Значит, будет шесть вариантов зелёной и шесть красной бумаги. А может, картона, а может, мусора — научный метод, он такой: сначала эксперимент, потом выводы. Сито первое — навскидку, сколько, чтобы дно покрыло? Так, черпачок, запишем. Второе — полтора черпачка, он где-то с пол-литра, ну и так далее по нарастающей, шесть раз. Бормочу, приговариваю по-русски, чтобы контролировать процесс: «Раз — хорошо, два — чуть больше, три — уже перебор, но пусть будет...» Все шесть образцов угнездились в двух формах.

Тем же методом разливаем красноватую жижу. Никто мне не помогает — смотрят изда- лека, забросив все дела. Может, бояться, что колдую? И то: в бурой вонючей жиже руки, смах- нула прядь волос — украсила лицо зелёными разводами. Платье извозила так, что оно теперь само по себе произведение авангардного искусства. В бытность мне мама говорила: «Готовишь, дочка, вкусно, но после тебя на кухне надо делать ремонт!»

Грязная, как ведьма, злая, как ведьма, воняет, как кикимора, шепчет непонятно что, как колдунья... Кто это? Правильно, ваша герцогиня! Двигатель прогресса и кошмар окрестных прачек.

Не знаю, сколько это должно стоять в воде. Чутка потрясла сита, чтобы ровнее распре- делилась жижа. Долго не рискнула оставлять: что-то эта биомасса стала вести себя подозри- тельно. Вон уже пузырьки пускает, мало навоняла.

Как бы тут новая форма жизни не зародилась в процессе эволюции : вид "водоросле- вый гомункул".* Обязанности: изготовление бумаги. Характер: зловонный, требует зарплату. Вынимаю сита из воды и ставлю стекать на выровненные по нивелиру доски. Выступающая рамочка позволяет. Сушить отжатию не буду, время и солнце сделают своё дело. Ну, вроде всё?

- Подойди ко мне, ты ведь старшая прачка?

- Я, госпожа.

- Время от времени переставлять сита с мокрого места на сухое. Так держать в руках, так переставлять, чтобы уровень жижи был ровным. Смотри, вот так, понятно? Повтори! Молодец, старайся. Слишком часто не надо.

Освободилась, отмылась. По порядку у меня второй завтрак. У всех первый. Мы кушаем в семейной столовой. Той самой, где первый раз я увидела всю семью герцога. Сегодня нет Хессела и Харальда. Само собой, нет леди Маргарет.

Леанна скрупулёзно проследила за лечением леди, чтобы пожилая женщина не забывала пить своё суперполезное лекарство. Леанна во время похорон обыскала всю спальню и гости- ную покойницы, но её архив так и не нашла. Теперь ясно, почему. Леди Джеральдина успела первой. Это было единственное наследство Герману от матери, точнее, приёмной матери. От обеих матерей.

Хьюгенн удивлён, что его супружница без особых затруднений вписалась в свою новую должность - секретарь - референт. Леанна захотела, чтобы у них с Гундой были разные назва-

ния должностей, да не вопрос! Лишь бы не препирались. Идёт "передел" территории. Девушкам трудно. Они путаются, кто за что отвечает.

Всё потому, что Его Светлость свинтил с должности. Добавил мне дополнительные полномочия и на рыбалку уехал. На неопределённое время. Такие тут порядки. Пока супруг на работе: рубежи родины защищает, либо чужие нарушает, а ещё лучше по Палестинам шляется, лишь бы дома не сидеть, всем заправляет жена.

Управляющий в её подчинении. Если леди с характером и знаниями. Иначе возвращаться некуда будет из Крестового похода. Хозяйство по щепочкам разнесут, по норам растащат. Для того девочек и обучают с хозяйственно - художественным уклоном. Сейчас я имею возможность оценить качество образования в нашем пансионе. На деле, применяя всё те же знания, что мы даём своим ученицам. Прекрасное образование мы им даём.

Но надо дополнить и развить тему: методы управления персоналом. Упёртый персонал. На всё имеет своё мнение. Нет. Они не возражают. Они просто делают всё по-своему. Как проще, легче, быстрее. В окно видно: прачка сложила сита друг на друга крест на крест и тащит их на сухое место на досках. Выхожу. Молча кладу их снова в поддоны. Жду, пока снова размокнут, выравниваю, потряхивая.

— Переноси, так как нужно.

Поджатые губы, вниз опущены глаза, чтобы я там лишнего не увидела. Таскает.

— Ты ведь поняла, для чего нужно аккуратно, ровно нести?

— Нет, госпожа, вы не объясняли.

— Не важно. Приказ надо выполнять как... приказано. Точь-в-точь. На сухое переносим по отдельности, сито держим ровно, не склоняя. Если листы бумаги получатся неровные, то снова размочишь и снова будешь сушить.

— Это будет бумага??? — она совершенно другими глазами смотрит на жидкую грязь.

— Если постараемся, не сразу, но будет. Белую тоже будем делать. Тухнуть жиге больше не дадим. Даже для леди будем с душистым ароматом бумагу делать. Это деньги в казну государства. Еда, лекарни, школы для детей, новые храмы и учебники, книги! Стиральные машинки! Механические отжиматели белья!

- Ах, если бы я знала! Но я всё видела и запомнила! Сегодня мне дети водоросли соберут. Промою, измельчу, замочу в щелоке, к вечеру в сита разолью. Помню, по сколько лить жижики. Только слов волшебных, нужных не знаю.

- Слова эти не важны. Можно молча, можно с молитвой. Главное запомнить, где сколько налито.

- Я метки угольком на сита поставлю, палочки — одну, две, три.

- К вечеру проверю. Откуда ещё сита возьмёшь? Этих еле от столяра добилась, такая долгая, сложная работа.

- Ваша Светлость, уж как-нибудь... Добьюсь.

- Посмотрим. А сделай сегодня подчинённым полдня выходной. Разрешаю, пусть отдыхают. Ничего, бельё не стухнет!

У жизни для меня припасено ещё много уроков.

Следующим пунктом — посещение русского лагеря на окраине города. Переодеться и взять письма. Я писала на русском всем друзьям сразу. Эмме и Верене переведут.

Написала в Ольденбург Ингрид, Мише и Лисбет; в Хагген для Амальхен, в Мюнн отдельное письмо для пансионерки Кристи.

Кларисса набисерила по два листа драгоценной импортной бумаги с двух сторон двум подругам: Ирмгерде фон Зиверс и Миллисент, виконтессе Ольденбургской.

Харальд отписал невесте Милли и её брату Реймонду.

Хессел накатал Элимару три листа с мыслями и планами по развитию королевства.

Леанна написала родителям, как она при муже в городском доме хозяйка, а во дворце герцога высокую должность, что сразу не выговорить, занимает.

Внушительный пакет получился. Все стараются передавать с оказией весточки близким и подарки. Я девочкам отправляю по тюку несравненного белого и серого козьего пуха. Мальчикам свежей копчёной рыбы. Надеюсь, сохранится.

Буянка перестала буянить и впала в другую крайность — в депрессию. Где-то в глубинах своей лошадиной сущности она выработала верную тактику: не подмазывайтесь к ней, не разговаривайте, не беспокойте. Она важна, она нужна мне. И очень даже прекрасно это понимает. Лошадка — моё живое авто. У неё настроение, характер, здоровье.

Хессел советовал временно её поменять. Постоит в конюшне на приколе — живо образумится. Есть много прекрасных фриз. На двойной порции овса и молодой траве выносливые животные быстро восстанавливают силы. Но они высокого роста. Буянка — маленькая, компактная лошадка, на неё я легко забираюсь, легко спешиваюсь, без посторонней помощи. Мне это важно. Самостоятельно седлать, чистить, кормить, поить мою одну лошадиную силу я научилась. Всё пригодится.

Поэтому-то сейчас мы с неразлучной четырёхкопытной подругой меланхолично трусим чуть впереди охраны, чтобы не глотать пыль. Да! Сразу, как кончилась грязь, началась пыль. Охраны сегодня вдвое больше. Десятка, что сопровождала меня из Мюнна, возвращается домой. Они своим авторитетом и неусыпным вниманием помогли мне утвердиться во власти. Они предотвращали переворот. Их методы охраны важных персон, наработки Вальдемара, начали перенимать герцогские гвардейцы. Я каждому выдала в знак благодарности небольшую премию, за доставку писем и подарков отвечают тоже они.

На окраине Леувардена, у кромки зелёных лугов, раскинулся палаточный лагерь русских переселенцев — временное пристанище пятнадцати крестьянских и ремесленных семей, чей путь лежит в германские земли через Фризию, напрямик к нам в Мюнн.

Несколько грубоватых, но добротных парусиновых шатров выстроились неровным полукругом, укрываясь от ветра за невысоким холмом. Старые полотнища когда-то были парусами, выцветшие под солнцем, кое-где залатаны, но крепкие, как и люди, что под ними укрываются. Место жительства этих людей недалеко от берегов Ладоги. Почти у всех есть лодки, баркасы и старые паруса.

В таких шатрах люди живут рядом с полем в пахоту, страду, сенокос. Чтобы не тратить время и силы на дорогу в избу и обратно. Сельскохозяйственные угодья села иногда бывают довольно далеко от него.

Между шатрами натянуты верёвки с сохнувшим бельём, развешаны сети, рыбацкие снасти. Инструменты для добычи пищи трудовой человек в зубах понесёт, если рук не хватит. В воздухе витает запах дыма от костров, печёных свежих лепёшек, которые женщины успели испечь утром на углях.

Мы заходим в лагерь. Воислав и все остальные наши воины шумно приветствуют вернувшихся сослуживцев: Хорса, Стояна и Горазда. Так радостно колотят друг друга по плечам, что нормальный человек давно бы упал. Меняются новостями, быстро, накоротке. До долгих разговоров дело ещё дойдёт. Я иду далее, с участливым вниманием разглядывая всё вокруг..

У края лагеря мирно щиплют траву несколько козочек. Рядом, в тени шатра, дремлет тёлка, изредка поднимая голову, взмывая и нервно оглядываясь по сторонам. Не верит своему счастью, что есть земля и трава, а не взмывающая вверх-вниз палуба. Возле неё, приткнувшись к тёплому боку, свернулся рыжий кот. Кто же у нас тут такой любитель животных, что не расстался даже при переселении за границу?

— Марфуша, гляди, чтоб коз не упустила — опять заиграешься! — окликает девочку лет семи полная женщина в клетчатом платке, помешивая что-то в котле над костром. Пробует обжигаясь.

— Да я иду-иду, маменька! — отвечает та, послушно бежит к козам, подхватывая прутик.
— Эй, Белка, ну-ка назад! Вот, значит, хозяйка кота, Марфушенька.

— А где отец? — спрашивает мальчик постарше, подходя к матери и сбрасывая хворост.

— У лады, с воинами. Давеча говорил, что завтра, даст Бог, тронемся. Ты бы помог мне лепёшки переложить, пока не остыли, с собой возьму, — отвечает женщина, кивая на корзину.
— К закату в бухту пойдём, звали на помощь местные. Дело привычное. Путина.

Рядом, у соседнего шатра, двое мужчин осматривают колесо от телеги. Ну вот за каким хреном они его пёрли? Может, у вас тут и телега есть? Морем довели?

— Смотри, Осип, ось-то подгнила малость, — говорит один, постукивая по дереву. — До Мюнна дотянем, а там новую делать.

— Дотянем, — кивает Осип. — Хотя спокойно, без скота доплывут, да и скотинке по земле-то всяко лучше добежать. Козлят в телегу посадим, мамки следом побегут. Эх, жаль, Злыдня нельзя было взять, вот козёл! Всем козлам козёл, его и волки боялись!

— Его только в море не хватало! Слыхал, бабы ворчат: «Когда же, мол, на землю твёрдую встанем? Опять завтра плыть».

— Да кто ж их не слышит, — смеётся первый. — Моя Таисия третий день мне про огород толкует. «Грядки, — говорит, — хочу. И капусту!» Огородница она у меня знатная, овощ у неё так и прёт, так и прёт!

— Хотя землицы бы боярин местный под огород поболее нарезал, — вмешивается подошедшая женщина, видимо, Тая, с корзиной дикого лука. — Без огорода какая жизнь? Мы ж не кочевники какие.

Северин таки получит своего бригадира овощеводов!

Любуюсь лицами девушек, женщин. Тихая красота. Овальные лица, узкие прямые носы. Глаза у всех круглые, больше, меньше, но круглые — серые, синие, голубые. Косы девушек и девочек из под платков льняные, золотистые, русые. Лица светлые, от солнца кожу стараются беречь. Платки повязаны низко, закрывают щёки. У замужних убор головной, мягкий повойник, полностью закрывает волосы, лоб, его спускающиеся сзади концы можно вывести вперёд и прикрыть шею и щёки от солнца. Скромно, неброско, но так ладно и гармонично смотрится народный костюм в сочетании с такой северной внешностью. Смотрю, не насмотрюсь, русские лица. Ладога, Псков, Новгород, Архангельск... Привет тебе, Амелинда, с родины.

Я одета по-дорожному, просто, но юбка у меня яркая, убор на голове диковинный — капор трубой, мне кланяются, стараясь не привлекать внимания. Занимаются своими делами. Люди отдыхают с дальней дороги, от тесноты, грязи, приводят себя и вещи в порядок.

Неподалёку от лагеря, на берегу реки Мидлзе, стоит зафрахтованная ладья. Потрёпанная, но надёжная. Она доставила переселенцев сюда, преодолев не одну реку и морскую гладь Северного моря. На борту ещё видны следы долгого пути: засохшая тина на бортах, царапины от камней, заплатки на парусах.

— Тихо пока, — замечает моряк из команды, глядя на небо. — Ветер попутный будет завтра.

— Дай-то Бог, — отвечает второй из команды — Чем скорее до Мюнна доберёмся, тем лучше. Людишки устали.

Подходят наобнимавшиеся путешественники, им не терпится скорее рассказать обо всём, что они пережили в пути. Рассаживаемся на опрокинутые вёдра, коряги с берега реки. Моё маленькое войско собралось послушать их историю в полном составе. Свободные от дел крестьяне тоже подтягиваются к кругу, хотя уже слышали и даже сами уже стали частью этой истории.

- Ох и тяжёл был путь на родную сторону, Ваша Светлость! Много испытывал нас Господь, - начинает не спеша рассказ Хорс, самый старший из воинов, что двинулись в дальний путь в конце октября из Мюнна.

Он говорит обстоятельно, по порядку событий. На русском языке. Я наслаждаюсь музыкой старинной русской речи. Слушаю и прекрасно всё понимаю. Понимаю также и то, что многое надо бы вернуть в современную русскую речь. Столь ёмки и точны характеристики, в одном слове весь смысловой ряд. К примеру: «Свербигузка»...

- Не успели посуху много пройти, зарядиша дожди осенние, грязь, аки болото, измучились вскорости. Возок хулили, что застревает, волочили его из рытвин, но опосля сослужил он нам службу добрую.

Как грянуша в ноябре морозы лютые, воздали мы хвалу Господу, что есть у нас возок сей прочный с печуркой походной внутри. Почитай, избушечка на колёсах. Спим в нём ночью. Пища горячая, тепло, припас опять же он везёт и лошадям, и нам. А места пошли всё дикие, тракт мимоезжий в сторону ушёл.

Поставили полозья, ибо снег выпал и покров лёг. Легше стало ехать, быстрее, веселее. Путь по звезде держим и приметам. Людишек ни встреч ни в стороне совсем не стало.

Пёселя жалко, Баксик приснопамятне погиб. В охоте нам пособлял, о людях впереди на дороге возвещал. Разбойников издали почуял, мы изготовиться успели. Битвы не вышло. Расстреляли мы восемь человек за миг краткий. Страшное то оружие, с такой-то убойною силою. Скоро видно войны иные грядут. Доспех от него тоже не защищает.

Про шатуна он нам лаял, лаял, а мы, дурни, думали на сороку — трещала она с нижних веток, тоже возвещала. Кинулся на него пёс бесстрашно. Характер был таков: на псарне вечно задирался, где ссора, там Баксик. Подрос он уже заметно, медведя помотал изрядно, но не отскакивал, аки иные псы, а терзал его как мог... Ну и он его...

Вспомянули про пистолы. Стреляли. Бакшиш там и погребён: на стуже мы ему яму выдолбили. Как человека хоронили. Я молитву Велесу произнёс, дабы принял. «Прости, Господи, душу мою грешную», — осенился крестом Хорс.

Совсем стужа наступили, леса поредели, полями едем. Деревенька попалась - уж русские люди обитали. В себя маленько вернулись, попарились, запасы пополнили. Лошади отдохнули, веселее пошли - поехали. И путь проезжий, и места знакомые, хотя и далече ещё до Ладоги.

В одну ночь метельную не доехали до тракта: едем-едем, всё нет и нет. Испужались, что с дороги сбились. Решили остановиться, ночевать, утром продолжить путь. Лошадей распрягать не стали, расседлывать тоже. Спим в возке, печурка теплится. Устали. Крепко спали.

Был бы Баксик - гавкнул, а так... Проснулись, как кони заржали, а нас понесло. Но недалеко. Разрывали волки лютые двух упряжных всей стаей, всю ночь пировали. Стрелять не стали - смысла нет: тьма, метель. Пули беречь надо. За себя не боялись: возок-кузовок дюже крепкий.

Ушла стая утром. Мы кликали своих коней, кликали. Испуганные они всё же табунком пришли. Спасло их, что не привязаны были. Так-то. Почитай, крепостью нам коробочка эта стала.

— Ты расскажи, как встретили нас, что всё едем да едем! — перебил Одинец плавное повествование.

— По-родственному встретили, чего тут долго говорить? Напоили, накормили, в бане попарили. Назавтра пир боярский был, по случаю встречи, вместе же мы были, чего не помню - поправь!

Боярин Вольга Бутурлин рад был вестям о сыне. Хоть и много детей у него, а всё ж каждый сердцу кровинушка. Боярыня все письма слушала и плакала, плакала. Ждут сына старики, ждут.

Деньги отцу передали, что Гордей Вольгович нам поручил. Расписку в том везём. Сказал боярин: «Земли купим». Рядом бестолковый родич хозяйствует, землю родовую продаёт. Чтобы не уплыла земля рода Бутурлиных в чужие руки, скупают её все сородичи.

Кстати, деньги... Строить, сказал, не будем. Материал закупают, уложат в склады. А пусть едет с невестой, да женится - и строят как хотят.

Недовольны, что немка. Мы сказали, как велено: «Православие примет», - на том матушка-то и успокоилась. Батюшке Гордея про приданое рассказали и что любя ему невеста, - тут Хорс покосился на меня. Я кивнула с довольным видом. - А про пожар, где Гордей чуть не погиб, не стали рассказывать. Ни к чему старикам прошлые тревоги.

— Стали мы про местного боярина говорить, барона Андреаса фон Мунних, значит. Что есть земля далеко, за Северным морем, но есть. Дает нам на двор и сад. Есть служба. Город будут строить, деревню новую воинскую - для воинов-пахарей. Мы семьи свои берём да возвращаемся, - вклинился нетерпеливо Одинец.

— Люд слушал да на ус мотал. Стали стекаться к нам людишки с просьбами слезливыми - взять с собой. Кабалит их князь, что прежде хотел войной идти, да с войной у него не вышло: князь киевский его приструнил. Да кабалит теперь сосед должников люто. Не можешь долг погасить - за долги те людишек кабальных продаёт: кого надо - бери, а не надо - не бери. Семьи вразброс! Когда, где такое видано было? Ровно нехристь какой, татарин, тьфу, - исплевался Хорс от гнева. Люди тоже возмущённо загудели.

— У германцев есть ли кабала, госпожа боярыня? — неожиданно напрямую спросил меня тот, что супруг Таисии.

— Есть. Долг есть долг. Только продавать людей запрещено — хоть вместе, хоть порознь. Кнехты свой кусок арендный теряют и работают токмо на господской земле. Барщина, — припомнила я слово из уроков истории. — Выкупиться можно, но трудно. В Мюнне есть семейство — кнехты бывшие, выкупились. Никто никого не продал.

— Жизнь можно вести, — вынес вердикт муж.

— Тако и вышло, госпожа герцогиня, что к отъезду нашему двенадцать семей вознамерились с нами в бега устремиться.

— Беглых привели? Стыда мне только международного не доставало!

— Выкупили мы их долги у кровопийцы того, княгиня, — почтительно обратился ко мне Хорс. — Хитро выкупили. Токмо они ведают, что недолго им свободными быть. Всё равно решили в неметчину уходить.

Припасы нужны в путь-дорогу. На Ладоге торг добр: зерна много, кож, пеньки, мёду, дёгтю, масла, солонины. А куда толпу такую пешими гнать? Скарба-то сколько? Жёны в тягости, дети малые, старики.

В общем, наняли мы лодью в фрахт. Всё жалованье, что годами выслужили, собрали, отдали купцам. Всю трофейную деньгу допреж того уже за выкуп людишек князю Изяславу, чёрту рогатому, отдали. Купцов едва уговорили путь держать: молва про чуму и там дошла. Мы письма чумные искренно развезли по всей дороге, где людей русских грамотных отыскивали.

— Как обратно деньги-то возвращать помышляете? — Мне стало любопытно, какие есть гарантии возврата долга.

— Никак, княгинюшка. Чего уж там с них взять? — с явным сожалением промолвил Хорс. — Деньги те кровью добыты.

— Вернём, Хорсушка! Ей-богу, вернём, помаленьку, не вдруг. Обживёмся, приработок какой съём — вернём! Спаси вас Господь, ребяташки, не дали сгинуть землякам, распроданными своим же князем.

— А земля... Что ж, она и здесь земля. Про церковь истинно ли брат ваш молвил, княгинюшка, что дозволено свой храм воздвигать, православный?

— Сказал правду. Строить будете. После деревни. И закон надо ещё в королевстве провести про толерантность к другим верам.

— Добро бы. Нам чужой-то не надо толерантной веры, своя есть. Ну пусть будет у людей хоть какая — лишь бы не трогали нас.

— Не тронут. Закон не позволит. С Богом тогда, живите. Спросить хочу: может, кто здесь хочет остаться, в городе приморском, места есть в гильдии рыбацкой, до завтра думайте. Поехали, гвардейцы! До свидения Воислав со товарищи, в добрый путь!

Плакать сегодня ночью буду. Скучаю сильно по друзьям , по Мюнну, хоть напололам рвись!

Глава 9.

Амелинда.

Уходила, всё оглядывалась. Теперь у меня будет ещё один радостный повод приезжать в Мюнн. Будем по-старорусски с приезжими балакать, сказки-былины слушать. Я им про рыбака и рыбку расскажу. Произведение произведёт фурор!

- К берегу, - скомандовала я гвардейцам, которые уже наверняка предвкушали свободное время в казарме. - Эх, служивые, покой вам только снится!

Мы довольно бодро поскакали к бухте, переменчивое настроение Буянки трансформировалось в приличную рысь. Для неё, конечно, не для фризов, которые возмущались тем, что их придерживают и они вынуждены втягивать пыль из-под копыт какой-то низкородной кобылы.

У берега кипит жизнь — шумная, крепко солёная, пропитанная йодистым дыханием прохладного моря. А запахи? Да это какая-то дикая какофония — солёная рыба, морская тина, дым, влажная древесина, затхлость старых сетей, пряность можжевельника, животная вонь от сваленных рыбных отходов. Но приморское амбре нисколько не смущает моё благородное обоняние, чего уж там, после утренней вонючей будущей бумаги. Ничего, нормально, можно сказать, даже свежо и ярко.

В бухту начали возвращаться суда. Первыми подходят рыбацкие лодки — низкие, широкие, с высокими носом и кормой. У них внутри мало места, и они первыми переполнились уловом. Один за другим зарывается носом в песок дроттеры, из мокрых корзин пытается выпрыгнуть на берег ещё живая верхняя рыба. Чайки кружат над рыбацкой удачей, резко кричат, пытаются урвать рыбку, а босоногие подростки уже бегут к лодкам с пустыми корзинами. Часть улова просто лежит массой на дне лодок. Его нужно переложить. Грузчики подхватывают полные корзины и несут к столам разделки, где всё уже готово к переработке.

У каждого стола стоит учётчик, как правило, старый рыбак. У него лист чищеного прошлогоднего пергаменты со знаком артели, чернильница, перо. Учёт ведётся строго в одинакового размера корзинах. Всё это я узнаю, проходя между рядами столов и задавая вопросы. Коротко отвечают обычно болтливые женщины. Им сейчас не до любопытствующих герцогинь. Я прохожу между рядами столов, спрашивая, не поранился ли кто? У разделочниц рыбы частые травмы: порезы, иногда глубокие, также болезненные уколы колючками рыбных плавников.

Две молодые, явно не столь опытные в этом деле девушки обращаются ко мне. Я промываю пальчики из термоса кипячёной водой, дезинфицирую мёдом с прополисом и туговато, чтобы не слетело, но не слишком, чтоб не посинели, бинтую. Напалечников нет, но есть непропищаемые плёнки животного происхождения — мочевые пузыри. Они заготовлены квадратиками, прилаживаю сверху бинта и фиксирую у основания. Всё, едкая соль не пройдёт. На ночь велю размотать, пусть подсыхают порезы.

Они благодарят меня и продолжают работу. Ножи с глухим стуком опускаются на доски. Чешуя летит в стороны, внутренности сбрасывают в старые корзины — для наживки или на корм животным. Попадают крупные туши трески и камбалы, их снова сбрасывают в пустые корзины. Попутно вместе с чисткой идёт сортировка рыбы. Основная масса сейчас — сельдь. Её потрошат целиком, оставляя голову.

Дальше начинается соление. В глубокие деревянные бочки, тоже помеченные выжженным клеймом артели, работницы слоями укладывают рыбу, пересыпая крупной морской солью, добавляя чуточку лавровый лист и буквально горошин десять перца на бочку. Веточек можжевельника не жалеют. Они утрамбовывают слои входящей вовнутрь деревянной крышкой, но осторожно, не усердствуя. Затем заливают рассолом, называемым тузлук. Этот способ самый

надёжный. Называется «двойной посол». Готовые бочки тут же конопатят, затем грузчики откатывают их в прохладный склад.

К моему немалому удивлению, на берегу не только люди. Щедротами моря всю пользуются леуварденские коты. Они уже пузаты до невозможности. Их морды в рыбьей крови, отъедаются бедолаги. Ничего им не перепадало с хозяйских столов в голод. Что поймал, то и твоё. А откуда мыши в пустых закромах, так — мелочь. Обожаю котиков! Я кинулась с любовью и лаской к ближайшему серому полосатику с ошейником из кожи, коты — имущество. А на ошейнике метка дома.

— Осторожно! — кричит рыбака. Я успеваю вовремя отдернуть руку от замаха грозной когтистой, тоже в крови, лапы. Однако! Суровы характером средневековые коты. Чужих не любят и не доверяют. Ладно, ладно, не шипи и уши верни на место. У меня свой кот есть, Дымыч потискаться всегда рад. У него очень красивый ошейник с гербом дома герцогов Фризии. Скандалист сидит, облизывая лапу и намывая наглую морду. Рядом менее удачливый собрат пытается стянуть целую рыбину из корзины, но добыча тяжела, он улепётывает, отхлёбывая полотенцем, обиженно мявкая.

Лохматые собаки, тощие, но весьма проворные, рыщут у кромки воды, подбирая выброшенные специально для них внутренности. Собака с рваным ухом охраняет найденную голову трески, рыча на собрата, а другие, посмелее, крутятся возле женщин, выпрашивая подачки. Потроха они ловят на лету.

Несколько худых, как эти же собаки, свиней, с грязными боками и торчащими от счастливого возбуждения ушами, бродит вдоль кучи рыбных отходов, деловито хрюкая и толкаясь за лакомые куски. Они роют лапами песок, выискивая остатки голов, время от времени поднимая головы с перемазанными мордами, блаженно жмурясь и улыбаясь на солнце. Улыбка счастливой свиньи — это нечто, скажу я вам!

Стайка кур в пыльных от песка перьях копошится рядом, клюёт совсем мелкую рыбешку, что нечаянно всегда запутывается в сетях. Петушок мелкий, с ярким гребнем важно расхаживает среди них, гордый тем, что догадался привести свой гарем на прокорм именно сюда. Он занят своими обязанностями, не замечает, как слишком близко подошёл к людям. Получает обидный поджопник на глазах своей семьи и уходит от грубых мужланов подальше под возмущённое кудахтанье курочек. Вот бы послушать перевод с куриного!

У воды стоят купцы в дорогих плащах. Они щупают, тыкают в рыбу пальцами, будто она может быть сейчас несвежей, пробуют рассол у разных мастеров, торгуются за товар, который ещё не произведён:

— По два серебряных шиллинга за бочку крупной! — на побережье в ходу и талеры, и шиллинги.

— Три, и я добавлю мешок муки для артели! — перебивает цену совестливый купец.

— Договорились. Запиши контракт! — отвечает старшина артели.

Скоро, как просолится немного рыба, из труб коптилен повалит густой дым. Под навесами появятся гирлянды рыбы золотисто-коричневого оттенка. На длинных канатах, протянутых между жердями, уже трепещет на ветру рыба — здесь идёт сушка. Ветер с моря ускоряет процесс, а соль не даёт завестись личинкам мух. Всё здесь подчинено вековому ритму путины, где каждый шаг и последовательность отработаны до мелочей.

Звуки и запахи сплетаются в особую симфонию. Скрипят вёсла и мачты, плещет волна, как оглашенные орут птицы и люди, стучат торопливо в ритме народных песен рыбаков ножи. Постоянно слышен треск деревянного настила, по которому катят бочки к складам, — всё это сливается в единый звуковой ряд, живой и неумолчный. Создаёт в моём сознании картину,

которая врежется в память: горластую, яркую, незабываемую — настоящую жизнь у моря во время путины. Я закрываю глаза, нюхаю, слушаю, впитываю всей кожей совершенно новую для меня атмосферу и впечатления.

- Драккар! Драккар дюка идёт! - Вырывает меня из медитации крик со сторожевой портовой башни.

"Буйный ветер" не форсит, не выпендривается, не нарушает правил морского движения. Он слишком перегружен, осадка низкая, идёт на вёслах, полностью убраны паруса. Вот это правильно, одобряю. Нечего мажорить, не на "Майбахе". Причалить не успел, как уже спрыгивает наподобие викинга Харальд. Да он молодой красавчег! Красуется напоказ, не стесняясь своего стремления покрасоваться. Пока что достаточно наивные люди даже не пытаются скрывать свои эмоции и цели. Правда души в большинстве случаев видна снаружи. Злитесь, так злитесь, хотите любви — так и скажет, хочет убить — прямо заявит. Харальд явно хочет не только любви, но и женской ласки. Тоже проблема, мужу всё некогда, а сын вырастет, и всему есть свой срок. Первой женщине тоже.

Вот и мой благоверный, спокойно и солидно сходит по трапу, несёт в руках брыкающийся мешок. Морского поросёнка поймал, что ли? Он ищет кого-то взглядом и не находит, зовёт к себе сына. А не меня ли ищут? Узнать меня сейчас в толпе людей и множества женщин невозможно. На мне длинный серый холщовый фартук, нарукавники, а голова покрыта тонким, хорошего качества, но не ярким шерстяным платком. Сливаюсь с окружением. Вдруг словно людская волна проходит по толпе, все, кто на дороге герцога, кланяются, отступая в сторону. А дорога эта ведёт ко мне! Узнал! Нашёл!

- Ты... пришла за первой рыбой? Кто надоумил-то? Сама призналась? - вместо привет-здрости выдаёт, сияя бирюзовыми до бесстыжества глазами, супруг.

Какая такая первая рыба? И почему я за ней должна ходить? Однако: дают — бери, бьют — беги! Я протягиваю руки, и трепещущий мокрый мешок перекачывается в них. А в руки мужа, в его крепкие объятия, освободившиеся от ноши. Мешок тяжеленный! Поцелуй солёный и крепкий, ветер сильный. Хлопают, распахиваясь с боков и сзади, непрошитые полотна моей амазонки, хлопает на ветру и срывается с головы сбившийся набок платок, падают на плечи и ниже освободившиеся из плена косы. Между нами бултыхается зажатая рыбина. Эпично, ярко, постановочно, но... достаточно! Я — замужняя леди. Выворачиваюсь, мешок на песок, на голову быстрее поданный Харальдом платок. Полюбовались жители красотой моей несравненной, хватит. Не положено. Но так вышло.

- Хессел, с удачным уловом, милый, - говорю, а сама машу рукой от себя, чтобы народ-то разошёлся, я не настолько публичный человек, чтобы в семейные разговоры толпу любопытствующих пускать. Вам тут что? Блог о личной жизни семьи правителя? Кыш, зеваки, кыш! Универсальный язык жестов понимают даже высокоразвитые животные, не говоря о людях. Народ занялся делом, а именно разгрузкой и обработкой неимоверного количества рыбы, доставленной драккаром. Ну ладно. Я свою получила, мне хватит. Заглядываю в мешок, а там вовсе не селёдка набилась! Три крупных сине-серебристых рыбины с хищным оскалом. Похоже, питались сельдью и попались.

— Кто это, Хес? — Он называет, я тут же забываю. Любуюсь настоящим мужчиной. Как он хорош своей собственной, несравнимой ни с кем красотой! Простая рыбацкая рубаша с распахнутым воротом, вся в чешуе и соли, видна его пушистая светлая «шубка». Поросль на теле мужа такая густая, что я иногда называю его снежным человеком. Очень белокожий от природы Хессел загорает до красноты и никогда до коричневого цвета. Добавить сюда длинные льняные пушистые локоны, красную дублёную кожу лица с крупными чертами, яркие, словно с цветными линзами, глаза... Получается очень экзотическое сочетание. Нравится не только мне. Вон как бабы глазают. Сейчас он одет не по статусу, как простой рыбак, и это вызывает у них мысли о том, что он такой же мужик, как и все.

- Хессел, вы с сыном идите в таверну, там приготовили всё для вас, отдохните немного, я тут поработаю, и как стемнеет, к ночи домой пойдём.

- Ты работаешь? Ещё не хватало, герцогине кишки чистить!

- Хессел, я делаю перевязки тем, кто порезался или укололся, чтобы не было нагноений. Ты сам, как простой рыбак, в море работаешь, мне, значит, нельзя кишки чистить?

- Это другое. Пойдём, сын, приведём себя в порядок. Кажется, нас сегодня пустят домой, покормят первой рыбой. Впервые за одиннадцать лет, видишь ли, Харальд. - Они уходят, бурно обсуждая эпизоды рыбалки.

Мне нужно узнать про первую рыбу, мешок с которой они унесли с собой. Продолжу обход, спрошу и узнаю. Или не надо? Слово серебро... Разберусь.

Две женщины в льняных юбках, простых блузах, в заправленных под вырез воротником шалькой платках и холщовых фартуках, как у меня, стоят у длинного деревянного стола, заваленного серебристой сельдью. Их руки в рыбьей чешуе и крови ловко орудуют ножами: одна отрезает головы, другая потрошит тушки и бросает их в деревянный чан. Я попросила посолить несколько бочонков без головы.

Та, что намного старше, вытирает пот со лба рукавом, говорит с хвастливой улыбкой:

- Мой Ханс вчера такую весть принёс — в следующем месяце ярмарка в Гронингене будет! Хочет мне ткани присмотреть, себе новый топор да с пару десятков железных гвоздей. Нужны в хозяйстве. На нашем рынке пока пусто.

Её соседка, отбрасывая в сторону голову сельди, смеётся:

- Твой Ханс всегда найдёт повод в город выбраться! Мой-то Виллем только и знает, что сети чинить да эль пить на берегу у костра. Зато дети у меня, вот радость: младший играет: сеть закидывает, а старшенькая так ловко рыбу на жерди развешивает, любо-дорого посмотреть!

- Да, дети — это благодать. У нас вот старший внучок всё норовит в бочку с рассолом пальцы сунуть — думает, там самое вкусное. Пришлось строго-настрого запретить. А то ещё отравится, детям лишнюю соль нельзя... Ой, послушай, я ведь тебе не рассказывала, как меня бабка учила пряную сельдь солить? Тот самый рецепт, что у нас в семье из поколения в поколение идёт.

Брови молодухи взлетели наверх, к оборке чепчика, так сильно было её желание заполучить, видно, и впрямь вкусный рецепт. Я тоже наострила уши, перебирая содержимое сумки на плече.

- Ой, Маргит, да ты же знаешь, я вечно пересолю или недосолю! Рассказывай, не томи! Маргит понизила голос, будто делится великой тайной:

- Слушай же внимательно. На ведро именно морской воды берёшь:

три горсти с горкой крупной соли;

одну большую суповую ложку мёда — это главное!

пять горошин душистого перца; можно и десять, если не жалко.

два-три листика лавра;

Добрую щепотку тмина;

И самое главное — веточку можжевельника. Без него вкус у тузлука не тот будет.

Сначала воду с солью и мёдом кипятишь, пусть хорошенько долго прокипит. Потом снимаешь с огня, даёшь остыть, осадку выпасть, сливаешь с осадка, добавляешь специи. Сельдь укладываешь в дубовую, именно в дубовую бочку слоями, каждый слой поливаешь рассолом да ещё можжевельник между рыбинами раскладываешь. Сверху — деревянный круг и чистый камень в качестве гнёта.

Молодка, кивая, запоминает:

— Дубовая бочка, гнёт, можжевельник... А сколько ждать-то?

— Три дня в прохладном месте. Потом пробуешь — если малосольная, есть уже можно. Главное — чтобы рыба вся в рассоле погружена была, иначе испортится.

— Ох, спасибо, подруга! В следующий раз так и сделаю. Моего Виллема от такой сельди точно за уши не оттащишь — да и гости на Рождество будут в восторге.

— Вот-вот. А если ещё и с отварной репой с маслом подать да луком колечками, м-м-м, пальчики оближешь!

- Ой, ай!

- Что? Чего такое? - встревоженно спрашивает товарка.

Я уже знаю, «чего такое». Доболталась, любительница селёдки. Подхожу. Оказываю первую помощь по всем правилам.

- Маркус выгружается, смотри, встречается жена, встречается, всё-таки пришла за первой рыбой! - громко шепчет Маргит.

- А с чего бы ей не прийти? - спрашиваю, проверяя, не слишком ли затянула повязку. - Вон сколько рыбацек пришли.

Слушаю диалог Маркуса и жены: Он протягивает жене первую рыбину:

— На ужин, мать. Пусть будет сытно.

Та крестится:

— Слава морю, — косится на меня, — слава герцогу, что с нами был.

Они уходят довольные и примирившиеся.

— Ваша Светлость, Вы Маркуса не знаете...

— Знаю. В Морской недавно воду откачивали, мимоходом видела, как работают под его руководством мужчины, ладно всё у них, хороший староста.

— Артельные-то вдовушки рассказывают, он во всём хорош, до жены уже дошло. Думали, выскажется, не придёт за первой рыбой. Простила. Пришла. И мать пришла.

Выясняю, что и у рыбацек тоже есть свои традиции. Первую рыбу рыбак всё равно при- тащит в дом, даже если точно знает, что не встретит никто. К примеру, вдовый, холост или в доме вообще нет никакой женщины. Первая рыба путины в дом, из неё готовят пищу для всей семьи, одиночки тут редкость, — знак благодарности языческому богу моря за прокорм. Женщина в этот день может публично выразить своё серьёзное недовольство мужем, братом, сыном. Просто не прийти, не встретить, не взять из рук первую рыбу. Это повод для разговоров на год, до следующей путины. Так-то. Мне никто ничего не говорил. Могли бы предупредить, что ли. А если бы я не пришла?

Огромная корзина свежей сельди отвлекает женщин от пустопорожней болтовни. Они снова берутся за работу. Ножи стучат по доскам, обожравшаяся чайка пролетает над головой, нагадила прямо на стол, ничего страшного, рыба блестит на закатном солнце. Женщины продолжают разделять сельдь, перебрасываясь новостями о детях, мужьях и грядущей ярмарке, а рядом, у кучи отходов, жирный серый кот с набитым брюхом и половинкой уха лениво умывается. Я ахаю:

- Дымыч! Ты какого тут... делаешь, а ну домой, быстро!

На его довольной морде написано: «Домой, так домой. Теперь можно и домой!» Он лениво виляя пушистым задом направляется к низкому откосу, подпрыгивает, позорно падает и сконфуженно пробирается вверх с пляжа по тропинке. Март-апрель кончились, еды на

берегу полно. Только это спасло моего одноухого дурака от страшного в своей свирепости кошачьего мордобоя. Леуварденские коты ушатают вмиг, только так кишки-то выпустят моему изнеженному любимцу. Нужно предотвратить его неизбежные прогулки по городу, но как? Он вышел осваивать и завоевывать новые территории, а я слишком боюсь его потерять. Дилемма вечная — самец уходит на добычу, самке страшно за него. Она бы не пустила, но добыча нужна... Ходи, но только рядом, чтобы я видела! А рядом добыча кончилась.

Солнце опускается всё ниже, скоро край коснётся горизонта, опустятся сумерки, к причалу подходят и швартуются два последних когга. Они напоминают по конструкции плавучие дома-коробочки и под завязку набиты рыбой. Труд разделочников становится всё напряжённей. Все ускоряются. До темноты нужно переработать как можно больше. Остальное закончат на рассвете. Лица людей раскраснелись, на лбу блестит пот, руки движутся быстро и точно — каждый знает своё дело.

Ожидаемо становится больше травм, и я тоже шевелюсь быстрее. На краю бухты, у скалы, дымится большой котёл с горячей похлёбкой из мелкой жирной рыбы, дикого лука-черемши и нескольких видов круп, рядом поварихи-волонтерки разложили на холсты нарезанные краюхи ржаного хлеба. Пайки отменены. Вчера люди покупали рожь, ячмень, овёс, даже пшеницу прямо с государственных складов, без наценки, по той цене, которую солью заплатил Хессел. Короткий перерыв, ноги у всех дрожат от голода и усталости, торопливо поели — и снова за работу: путина не ждёт, море не прощает лени.

На быстро темнеющем закатном небе появляется первая звезда, точнее планета Венера. Берег пустеет. Убраны сети, вымыты столы, запечатаны последние на сегодня бочки. Люди расходятся по домам, а на берегу остаются лишь два сторожа, запах соли и костра, да довольные свиньи, насытившиеся дарами моря. Они зарываются в тёплый ещё песок, санитары пляжа будут ночевать здесь, чтобы, как только появятся работницы, снова приступить к своей основной деятельности — нагуливанию хоть какого-то мяса и жира. Оно будет пахнуть рыбой, но фризам не привыкать.

Выходит из таверны муж, я торопливо, но аккуратно упаковываю свой передвижной медпункт в сумку. Хессел уставился на небо, видимо, пытается предугадать погоду на завтра. На берегу столько водорослей, о, какой ресурс пропадает! Йод можно получать, пригодился бы сегодня, но я не знаю как. Следующее письмо напишу Доминику, пусть пошарит в библиотеке, учебники сыновей за среднюю школу Магда фон Мюнних сохранила, может, есть там что по химии.

Нет, не буду собирать эти водоросли, они очень грязные. Нужно в стороне от бухты сбор организовать, там же на берегу просушку, потом принимать за денюжку в сушёном виде, товар лёгонький, швыряя как хочешь, мешки, тюки, и пусть везут в Штейнделлинген, на фабрику... Когда она будет. А она будет! Интересно, как там опытная партия бумаги? День был солнечный и ветреный, от одного до трёх дней сохнет. Откуда я всё это знаю? От пациентки. Я посоветовала ей по-настоящему любимое хобби себе найти, чтобы принять свою жизнь такой, как она удалась. Дама пришла через год без записи, вознаградила меня стопочкой светло-зелёной тонкой бумаги, форматом в тетрадный лист.

- Если бы не это... Я бы на стенку лезла от экзистенциального кризиса.

Мы поговорили о крафтовой бумаге и расценках на неё, судя по ценам, дама страдала ранее от денежного кризиса. Я осталась со смутными знаниями. Если бы не этот случай из практики, мне никогда в голову даже не пришло, что из склизких даров моря можно сделать бумагу. В моём понимании она прочно ассоциировалась с брёвнами. Собери сто кг макулатуры, спасёшь одно дерево!

- Линда, Линда, мы здесь, ау! Муж и сын пытаются привлечь моё замутнённое расчётами сознание. ГР только достал калькулятор, Пучеглазка в восторге от цвета бумаги и предстоя-

щих за неё барышей, и вдруг — возвращение в действительность! Им облом, а мне семейное счастье!

- Хес, Харальд, где мешок? Где мой мешок с первой рыбой??? Забыли?!

- Сейчас, сейчас! Вольф, бегом!

Вольф тоже на кого-то рявкает, через минуту мокрый, но уже спокойный мешок у моих ног. Я гордо несу его до Буйанки, прикрепляю к седлу, не пользуясь ничьей помощью, ловко сажусь.

- Домой, мне ещё надо успеть приготовить рыбу!

Промокод на эту книгу. n8ppM8_Q

Глава 10.

Король Италии, граф Баварский Виктор Кох Первый.

Примерно с полгода до смерти императора на охоте осталось, в октябре этого года, если история, эта упрямая сука, пойдёт по уже пройденному пути. Мне это надо? Нет. Ещё не ясно, что там в замшелой древности произошло: несчастный случай или подстава. Старик стар, на ладан дышит, слаб по-старчески. Кожа на руках, тонкая как много раз выскобленный пергамент, испещрённый чернилами - тёмными пятнами прожитых лет. Одышка. Волосы почти белые. Потускневшие глаза смотрят внимательно, но устало. Втянется в очередную войнушку с претендентом на его титул, ослабнет еще больше. Значит, войны быть не должно. Охоты ни той, ни другой в принципе быть не должно.

Но этот упёртый тип может и в собственной постели помереть, от какойнибудь дряни. Ис

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.